

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ХАНС УЛАВ ПАЛУМ ЛЮДИ-МУХИ

Хорошо сконструированный и остроумный, с сознательной отсылкой к детективам Агаты Кристи и Рекса Стаута, этот роман, безусловно, порадует любителей жанра. Настоящее удовольствие для ценителей!

Morning Star

ФИНАЛИСТ THE PETRONA AWARD
2015 В НОМИНАЦИИ
«ЛУЧШИЙ СКАНДИНАВСКИЙ ДЕТЕКТИВ»

Иностранный детектив

Ханс Лалум

Люди-мухи

«Центрполиграф»

2010

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)

Лалум Х. У.

Люди-мухи / Х. У. Лалум — «Центрполиграф»,
2010 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-07079-1

Убит бывший лидер норвежского Сопротивления и бывший член кабинета министров Харальд Олесен. Его тело обнаружено в запертой квартире, следов взлома нет, оружие убийства отсутствует. На звук выстрела к двери Олесена сбежались все соседи, но никого не увидели. Инспектор уголовного розыска Колбьёрн Кристиансен считает, что убийство, скорее всего, совершил кто-то из них. Более того, он полагает, что их показания лживы.

УДК 821.113.5

ББК 84(4Нор)

ISBN 978-5-227-07079-1

© Лалум Х. У., 2010
© Центрполиграф, 2010

Содержание

День первый. Убийство на Кребс-Гате, 25	6
День второй. Семь соседей и бесхозный синий дождевик	9
День третий. Принцесса с Эрлинг-Шалгссон-Гате и ее сенсационные открытия	22
День четвертый. Жильцы уточняют свои показания	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ханс Улав Лалум

Люди-мухи

Hans Olav Lahlum
Menneskefluene

© CARPELEN DAMM AS 2010

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

* * *

Посвящается моей тете Дагмар Лалум (1923–1999), двойному агенту, «человеку-мухе». Испытания, перенесенные ею во время и после войны, вдохновили меня на написание исторического детектива.

День первый. Убийство на Кребс-Гате, 25

1

В 1968 году 4 апреля выпало на четверг перед Страстной неделей. За обедом я вспомнил еще одну дату, имевшую для меня немаловажное значение: ровно три года назад я переехал в новый, более просторный кабинет в главном полицейском управлении на Мёллер-Гате. Я отметил событие куском торта, который съел в одиночку.

Как правило, все помнят, что 4 апреля 1968 года в Мемфисе (штат Теннесси) застрелили борца за гражданские права Мартина Лютера Кинга, и это вызвало в США волну расовых беспорядков.

В тот же день в Торсхове на востоке Осло произошло еще одно убийство. Оно не представляло такого интереса с точки зрения историков, однако сыграло большую роль в моей жизни и в жизни всех, кто имел к нему отношение. Около одиннадцати вечера в четверг, 4 апреля 1968 года, мне домой в Хегехауген позвонили. Запыхавшийся мужчина попросил позвать к телефону «инспектора уголовного розыска Колбьёрна Кристиансена». Звонивший представился констеблем Асбьёрном Эриксеном и сообщил, что в доме 25 по Кребс-Гате в своей квартире застрелен пожилой мужчина. Обстоятельства, по словам взволнованного Эриксена, были «в высшей степени необычными». Я знал Эриксена, всегда считал его человеком хладнокровным и уравновешенным, поэтому у меня появились недобрые предчувствия еще до того, как он назвал имя жертвы. Стоило ему воскликнуть: «Это Харальд Олесен!» – как я мигом выбежал из квартиры и направился к своей машине.

В 1968 году Харальда Олесена трудно было назвать знаменитостью. Центральные газеты писали о нем не так уж часто – всего лишь раз в несколько месяцев. Но те, кто вырос в послевоенные годы, отлично помнили его соколиный профиль и худошавую фигуру. Для тех, чье детство и юность пришлось на сороковые – пятидесятые, Харальд Олесен по-прежнему оставался героем. До войны, в тридцатых годах, Харальд Олесен был известным политиком, членом Норвежской рабочей партии.

Во время войны – ему тогда было под пятьдесят – он стал одним из героев Сопротивления. Сам Олесен крайне неохотно рассказывал о своих военных подвигах, но это ни в коей мере не умаляло его достоинств. Он возглавлял движение Сопротивления в своих родных краях, и о его храбрости ходили легенды. После войны ему предоставили возможность побыть членом кабинета министров; четыре года он заседал в Государственном совете. Потом занимал видные государственные посты, и потому до 1965 года его лицо и имя оставались на виду и на слуху. В семидесятилетнем возрасте он вышел в отставку. Прошло еще три года, и вот героя Сопротивления и бывшего министра застрелили в собственной гостиной.

Домой я вернулся в тот день около часа ночи. Осмотрев место преступления и выслушав показания свидетелей, вынужден был признать, что выводы констебля Эриксена оказались верными. В доме номер 25 по Кребс-Гате, несомненно, произошло убийство. Труп был в наличии; имелось и место преступления. Однако мы не только не знали мотива – не нашли орудия убийства. Отсутствовали и подозреваемые. Кроме того, непонятно было, как убийца вышел из квартиры жертвы после того, как прогремел роковой выстрел.

Снаружи дом номер 25 по Кребс-Гате выглядел привычно для Торсхова – обычное четырехэтажное кирпичное строение. Пожилая жена сторожа, которая встретила меня у входа, пояснила, что три года назад дом сменил хозяев. Новые владельцы произвели кое-какие улучшения: построили простой лифт и оборудовали во всех квартирах ванные. Но в целом здание оставалось таким же массивным, серым и унылым, как в двадцатых годах, когда его построили в рабочем районе столицы. И сам дом, и жена сторожа как будто сошли со страниц романа Оскара Бротена «Волчье логово».

Трагедия, разыгравшаяся в четверг, 4 апреля 1968 года, в доме номер 25 по Кребс-Гате, началась в четверть одиннадцатого с грохота. Выстрел прогремел в правой квартире на третьем этаже, и его слышали все соседи. Ближайший сосед Олесена из квартиры 3Б как раз возвращался домой, но остановился на первом этаже, чтобы поболтать с еще одним жильцом этого дома.

Услышав выстрел в квартире Олесена, оба тут же побежали вверх. Дверь в квартиру 3А оказалась запертой; изнутри не доносилось ни звука. Через пару минут к ним присоединился молодой мужчина со второго этажа; он поспешил вверх, оставив дома жену и маленького сына. Следом за ним по лестнице, тяжело дыша, поднялась сторожиха. Один из жильцов первого этажа был инвалидом; он в своей коляске поднялся на лифте через несколько минут. Последняя из восьмерых взрослых обитателей дома, молодая шведка, сидела у себя дома, в квартире на втором этаже, до тех пор, пока к ней в дверь примерно через полчаса не позвонили сотрудники полиции.

Открыть дверь квартиры Харальда Олесена удалось только после того, как жена сторожа сходила за ключом. После непродолжительного спора соседи решили не входить до приезда полиции. Через полчаса прибыл констебль Эриксен. Выяснилось, что соседи напрасно боялись перестрелки. Даже следов оружия в квартире не нашли – как, впрочем, и живых людей. Харальд Оlesen лежал посреди гостиной на полу с пулевым отверстием в левой стороне груди. Пуля прошла навылет и застряла в стене. Во всем остальном квартира выглядела как всегда, насколько помнила сторожиха, точно как в последний раз, когда она заходила к Харальду Олесену, – и никаких признаков убийцы или орудия убийства.

Отсутствие оружия позволяло исключить версию самоубийства. Однако не было и доказательств того, что в квартире кто-то побывал – как и намек на то, как убийца покинул место преступления. Харальд Оlesen жил в обычной двухкомнатной квартире с ванной и кухней, но без балкона. До тротуара – метров десять, поэтому выпрыгнуть в окно убийца тоже не мог. Предположения, что убийца спустился по веревке или захватил с собой альпинистское снаряжение, наталкивались на неопровержимое обстоятельство: окна были заперты изнутри.

Иными словами, единственным вариантом оставалась входная дверь. Если убийце как-то удалось войти, он (или она), скорее всего, вышел тем же путем. К тому же в двери был автоматический американский замок, а цепочка оказалась снята. Главным оставался следующий вопрос: как убийце удалось покинуть место преступления и бесследно исчезнуть за такой короткий срок? Между выстрелом и появлением на третьем этаже соседей прошло всего несколько секунд. Возникал и второй вопрос – как убийце удалось выйти из здания? В доме всего три этажа; спуститься можно либо по лестнице, либо на лифте. Если бы убийца побежал по лестнице, он непременно столкнулся бы с поднимающимися соседями. Первые двое, очутившиеся на месте преступления, обеспечивали друг другу алиби. Любое подозрение их в сговоре представлялось беспочвенным, учитывая отсутствие орудия убийства и то, что почти сразу же следом за ними на третий этаж поднялись другие жильцы. Все они уверяли, что лифт стоял на первом этаже как перед выстрелом, так и после него. Жена сторожа, пробежавшая

мимо лифта, видела пустую кабину. То же утверждал жилец первого этажа, инвалид, поднявшийся наверх через несколько минут. Невозможно представить, чтобы кому-то удалось сначала разминуться с соседями, поднимавшимися по лестнице, а потом проскользнуть мимо жены сторожа, стоявшей у входа.

Начиная с половины двенадцатого все сотрудники полиции, которых стянули на место преступления, обыскали квартиру и весь дом сверху донизу, но не нашли ни орудия убийства, ни других улик, способных пролить свет на произошедшее. За неделю до убийства Харальд Олесен попросил жену сторожа убрать в его квартире и заплатил ей за четыре часа работы. Она трудилась усердно. Если не считать ее отпечатков, эксперты обнаружили в квартире лишь отпечатки хозяина, Харальда Олесена.

Какое-то время я рассматривал версию о том, что убийца в квартиру даже не заходил, а стрелял из дома напротив. Вскоре выяснилось, что мои предположения не выдерживают никакой критики: в момент выстрела Харальд Олесен сидел или стоял перед капитальной каменной стеной, в которой не было окна. Кроме того, ни одно стекло в комнате не было разбито.

Так что, если не считать мертвеца с пулевым ранением в груди и пули, застрявшей в стене за его спиной, в квартире не было заметно никаких признаков трагедии. Харальд Олесен лежал на полу гостиной у кофейного столика, накрытого на двоих. Из одной чашки он пил – на ней сохранились его отпечатки – в то время как вторая чашка осталась нетронутой. Судя по всему, Харальд Олесен пригласил к себе гостя и накрыл на стол, но оставалось непонятным, был ли убийцей его гость и кто вообще к нему приходил.

На кухне у раковины мы нашли сковороду с мясными фрикадельками. В холодильнике были пакет молока, хлеб и сыр. На кухонном столе стоял радиоприемник, включенный в розетку. На проигрывателе лежала пластинка с записью Венского филармонического оркестра. Все указывало на то, что хозяин квартиры 3А погиб внезапно.

В час ночи 5 апреля 1968 года мне стало ясно, что далее оставаться на месте преступления бессмысленно. Я поставил одного констебля на третьем этаже и еще одного – на улице, у входа в дом. Судмедэксперта попросил как можно скорее прислать мне отчет о вскрытии; затребовал копии выписок из бюро актов гражданского состояния и полицейского архива обо всех жильцах дома номер 25 по Кребс-Гате. После этого я разрешил соседям уйти, но предупредил, чтобы утром все они были дома – необходимо снять с них показания.

Мне почти сразу пришло на ум, что убийца, скорее всего, кто-то из соседей покойного. Ничто пока не указывало на то, что в здании побывал посторонний. К счастью, тогда, в первый день, я понятия не имел, как трудно будет выяснить, откуда именно пришел убийца.

День второй. Семь соседей и бесхозный синий дождевик

1

5 апреля 1968 года, в пятницу, я встал необычно рано. В половине седьмого уже сидел за столом и вел оживленную дискуссию со своим отражением в зеркале поверх кофейника. Я сразу же решил, что не отдам дело более опытным детективам. Мои старшие товарищи – настоящие мастера сбрасывать мне всю скучищу, а сами ведут интересные, сложные дела и купаются в лучах заслуженной славы. К счастью, мой начальник обычно приходил на работу раньше остальных. А я в тот день опередил даже его. Без четверти восемь, когда он подошел к своему кабинету, я уже ждал его в коридоре.

Моему начальнику уже за шестьдесят, но он – человек широких взглядов и понимает, что нужно поощрять усердных молодых детективов, обладающих здоровым честолюбием. Несколько раз в хорошем настроении он даже намекал на то, что до пятидесяти лет и сам был таким же пылким юнцом. Поэтому неудивительно, что мой энтузиазм и интерес к делу удостоились его поощрения. Да, согласился он, совсем неплохо, что я первый оказался на месте преступления. В восемь утра он пожал мне руку, разрешил вести следствие и предупредил о расширении сферы моих полномочий. Конечно, обрадовался я, если понадобится, всегда буду спрашивать совета у него и у старших товарищей. И в самом радужном настроении поехал расследовать свое первое серьезное дело, упиваясь будущими почестями и славой.

В пятничных газетах почти ничего не сообщалось об убийстве в доме номер 25 по Кребс-Гате. В двух поместили маленькие заметки о происшествии; в одной намекали, не называя имен, что покойный был «хорошо известным и почтенным гражданином, в прошлом участником Сопротивления». Утром, ненадолго заскочив на работу, я узнал в дежурной части, что интерес журналистов к делу стремительно растет. Поэтому, прежде чем отправиться на Кребс-Гате, набросал краткий пресс-релиз. В нем, во-первых, утверждалось, что я беру на себя полную ответственность за расследование убийства. Кроме того, я подтверждал известие о том, что вечером 4 апреля у себя дома на Кребс-Гате был убит бывший член кабинета министров и борец Сопротивления Харальд Олесен, но в интересах следствия воздержался от более подробной информации.

Приехав на место преступления, я начал с самого очевидного: с чисто убранного столика сторожа у входа в подъезд. Сторожиха, Ранди Хансен, низкорослая толстушка шестидесяти с небольшим лет, жила в однокомнатной квартирке в подвале. Мужа, по ее словам, «всю неделю не будет». Их дети выросли и много лет назад разъехались. Как правило, фру Хансен в одиночку сидела на своем посту у входа, несколькими ступенями ниже площадки первого этажа. Она присматривала за домами номер 25 и 27 по Кребс-Гате, переходя из одного в другой, а также соединяла жильцов обоих домов с теми, кто звонил по телефону. По счастливому стечению обстоятельств, 4 апреля фру Хансен дежурила как раз в двадцать пятом доме. Она обещала оставаться на своем посту до окончания следствия.

Ранди Хансен оказалась на редкость добросовестной особой; в тот день и вечер записывала всех входивших в дом и выходивших из него в свой журнал. Подобно многим сторожам, она хорошо знала «своих» жильцов и их повседневный распорядок.

Фру Хансен сразу же напомнила, что она дежурит в двадцать пятом доме через день, а иногда болеет или бывает вынуждена на несколько часов оставлять свой пост. Однако она считала, что ее впечатления о жильцах и их деятельности довольно точные. Хотя я не видел

причин сомневаться в ее словах, все же заметил: в таком случае вероятность того, что она кого-то или что-то не заметит, составляет пятьдесят на пятьдесят. Более того, с ее поста у входа не видно квартир и коридоров даже первого этажа. Покойный Харальд Олесен поселился в доме еще до войны. Он, министр, считался одним из известнейших жителей квартала; соседи гордились им. В последние годы он вел тихую жизнь пенсионера. Его посещали многие известные политики и бывшие борцы Сопротивления, правда, по словам фру Хансен, в последнее время у него было мало гостей. Пять лет назад умерла его жена; родственники навещали его довольно редко. По мнению жены сторожа, ему трудно было смириться со своим положением вдовца, хотя виду он не показывал. Из дому Харальд Олесен выходил редко – разве что за продуктами в магазин за углом. Он всегда держался приветливо и вежливо, проходя мимо нее, кивал в знак приветствия. Очень вежливо просил постирать белье или прибрать в квартире и щедро платил за такие дополнительные услуги. Жена сторожа никогда не замечала трений между ним и другими жильцами. По ее словам, невозможно представить, кому понадобилось убивать такого добродушного человека – настоящего столпа общества.

Ближайшим соседом Олесена из квартиры 3Б оказался американец по имени Даррел Уильямс; по мнению жены сторожа, ему было сорок с небольшим. В доме он поселился месяцев восемь назад; его квартиру оплачивало американское посольство. Фру Хансен не знала, чем конкретно занимается Даррел Уильямс, но, по ее мнению, пост его был солидным – Уильямс всегда «хорошо одевался и держался с достоинством». Кроме того, он вскоре после своего приезда очень прилично заговорил по-норвежски. Даррел Уильямс уходил на работу рано утром, а возвращался поздно вечером, но гостей домой никогда не приводил.

Этажом ниже, под Олесеном, жила фрекен Сара Сундквист, студентка из Швеции. Она поселилась в доме с августа, с начала учебного года. Сразу после того, как сюда приехала, она удивила фру Хансен тем, что подарила ей цветы и конфеты. Сара Сундквист хорошо одевалась, выглядела элегантно. Иногда она казалась немного рассеянной, но всегда улыбалась и здоровалась. Сара Сундквист добросовестно относилась к учебе и жила довольно упорядоченно. Уходила из дому обычно от восьми до девяти утра, а возвращалась от трех до пяти часов вечера. Первые несколько месяцев к ней иногда заглядывали однокурсники. Они всегда вели себя безупречно и уходили задолго до одиннадцати.

Судя по всему, Сара Сундквист очаровала жену сторожа, и тем не менее выражение ее лица подсказало мне, что она чего-то недоговаривает. Такое же выражение лица у моей соседницы сделалось, когда она перешла к жильцам квартиры слева на втором этаже – молодым супругам Кристиану и Карен Лунд. Фру Хансен считала их приветливыми, услужливыми; по ее мнению, они по-прежнему были влюблены друг в друга даже после рождения первенца. Лунды переехали сюда два года назад, после свадьбы; здесь у них родился сын, которому недавно исполнился год. Двадцатипятилетняя фру Лунд была дочерью фабриканта из престижного района Осло. Ее муж, на пару лет старше, служил управляющим спортивным магазином в Хаммерсборге.

В квартире слева на первом этаже жил водитель такси Конрад Енсен. Он разменял шестой десяток и никогда не был женат. Фру Хансен слышала от одного своего племянника, тоже таксиста, что Конрад Енсен водит одно из старейших в Осло такси, но ему до сих пор удастся передвигаться по запутанным городским переулкам быстрее, чем большинству его коллег. Конрад Енсен много работал и часто выходил в ночные смены. Если не считать работы, он лишь изредка выбирался из дома на какое-нибудь спортивное соревнование. Насколько помнила жена сторожа, за те двадцать лет, что он прожил в доме, в гости к нему никогда никто не приходил.

Фру Хансен помолчала, открыла рот, как будто собиралась сказать что-то еще, но потом передумала. Она снова недоговаривала, но я решил пока сделать вид, будто ничего не замечаю.

Последний жилец обитал на первом этаже справа; его звали Андреас Гюллестад, и он был инвалидом, прикованным к креслу. Ему было около сорока, и, насколько поняла фру Хансен, он жил на проценты с наследства. Должно быть, наследство у него было значительным, потому что одевался он всегда элегантно и, если не считать физического увечья, жил без особых проблем. Несмотря на свою инвалидность, он всегда пребывал в хорошем настроении и ко всем относился дружелюбно. Сюда переехал из более престижного района три года назад, после того как здание отремонтировали. Несчастный случай произошел с ним незадолго до переезда, Гюллестад оказался прикован к инвалидному креслу; он как раз подыскивал квартиру на первом этаже. Гюллестад был единственным, не считая Харальда Олесена, кто, по предложению домовладельца, приобрел квартиру в собственность. Иногда к нему приезжали сестра и племянница, но, если не считать их визитов, жил он тихо и одиноко. Иногда летом в хорошую погоду выбирался в своей коляске на улицу, но зимой предпочитал сидеть дома и часто просил жену сторожа купить ему продуктов на неделю. За помощь он щедро ей платил и всегда дарил им с мужем подарки к дню рождения и Рождеству. Насколько поняла фру Хансен, Гюллестад не мог ходить, но верхняя часть тела и руки у него прекрасно двигались. И с головой никаких проблем – чрезвычайно умен и начитан.

В день убийства фру Хансен, к нашему счастью, не только сидела на своем посту всю вторую половину дня и весь вечер, но еще и записывала в журнале, кто когда ушел и пришел. Сам Харальд Олесен утром выходил пройтись по магазинам, но вернулся около полудня и последние десять часов своей жизни провел дома. В предыдущие недели он говорил по телефону только со своим поверенным из фирмы «Рённинг, Рённинг и Рённинг».

Что касается других жильцов, то Андреас Гюллестад, как обычно, весь день сидел дома, фру Лунд также была дома с сынишкой. По словам фру Хансен, Кристиан Лунд уехал около восьми утра, а вернулся только в девять вечера. Один раз, около четырех часов пополудни, он звонил домой. Сара Сундквист в половине девятого ушла на лекции, а домой вернулась в четверть пятого. Даррел Уильямс вышел около девяти утра, а вернулся около восьми вечера. Конрад Енсен всю неделю работал в вечернюю смену. Он уехал на своей машине около полудня, а вернулся почти сразу за Уильямсом. Только Даррел Уильямс после возвращения с работы вышел из дому еще раз. Без пяти десять он отправился на вечернюю прогулку, на которой пробыл пятнадцать минут.

В день убийства жена сторожа не видела в доме посторонних людей; маловероятно, чтобы кому-нибудь удалось проскользнуть незамеченным. Ключи от двери черного хода есть только у нее и у жильцов. Гости попадают в дом через парадную дверь и таким образом проходят мимо нее. В интересующий меня день, 4 апреля, последние шесть часов перед убийством она более или менее постоянно видела дверь черного хода.

Под конец я спросил фру Хансен, не заметила ли она со своего места чего-то необычного, особенно непосредственно до и после убийства.

– Было кое-что, – ответила она и, встав, поманила меня за собой в небольшую подсобку. Там на столе лежали большой синий дождевик с капюшоном и красный шарф.

– Вот что я нашла утром в мусорном баке у двери черного хода! Такого дождевика и шарфа я не видела ни на ком из жильцов. Смотрите, они совсем новенькие, и, похоже, их постирали перед тем, как выкинули, потому что они еще влажные. Я не видела, кто их выкинул, но вчера под вечер, когда выбрасывала пищевые отходы, никакого дождевика в баке не было. Как по-вашему, это важно?

Я кивнул. Очень странно... Кто-то выкинул почти новый и недавно выстиранный дождевик в тот самый день, когда в доме убили человека. Я тут же сделал мысленную пометку: спросить жильцов про синий дождевик.

Итак, в квартире 3Б жил Даррел Уильямс, крупный темноволосый американец. Знакомясь, он крепко пожал мне руку. Голос у него оказался неожиданно высоким. Судя по дипломатическому паспорту, который мне показал, ему было сорок пять лет, хотя выглядел он моложе. Ростом он был не ниже метра восьмидесяти; весил под сто килограммов, но при этом никакого лишнего жира. По-норвежски он говорил неплохо, с едва слышным американским акцентом. Даррел Уильямс охотно рассказал о себе; объяснил, что его не слишком распространенное имя связано с тем, что его предки – ирландцы. Его дед эмигрировал в Соединенные Штаты в 1870-х годах, после «великого голода». Сам он родился и вырос в Нью-Йорке, его отец – известный адвокат. После того как Америка вступила в войну, Даррел Уильямс бросил учебу на юридическом факультете и поступил на военную службу. Летом 1944 года он принимал участие в высадке в Нормандии. На следующий год, сразу после освобождения Норвегии, он, тогда молодой лейтенант, приехал в нашу страну в составе делегации США. Устроился на работу в американской военной миссии и нашел себе подружку-норвежку. В Норвегии он прожил до весны 1948 года. Тогда и выучил наш язык. У него сохранилось столько теплых воспоминаний о Норвегии, что позже, почти через двадцать лет, узнав об освободившейся вакансии, он занял место атташе в посольстве в Осло. В предшествующие годы он продолжал военную карьеру и дослужился до майора, а потом, в начале шестидесятых, перешел на дипломатическую службу.

В ответ на мой вопрос о своем семейном положении Даррел Уильямс улыбнулся расслабленно и иронично:

– Я женился в Штатах в пятьдесят первом, но моя семейная жизнь не сложилась: через три года мы разошлись. Мы постоянно ссорились, а детей у нас не было. Жена уверяла, что полюбила другого, но оказалось, что она меня обманула, так как вышла не за того, о котором шла речь, а за третьего, ребенка же родила от четвертого!

Дипломат откровенно рассказывал о своей неудачной семейной жизни. Поскольку он был бездетным холостяком, дипломатическая служба позволила ему осуществить детскую мечту и увидеть как можно больше стран Азии и Европы. За последние десять лет он служил в ряде посольств, но положа руку на сердце признался, что с Осло по красоте не сравнится ни одна столица мира.

Квартиру ему подыскали и оплатили в посольстве. Даррела Уильямса все устраивало; разве что из-за ненормированного рабочего дня и официальных ужинов он нечасто бывал дома и не особенно хорошо знал соседей. Уильямс называл сторожа и его жену «опрятными и всегда готовыми помочь». Инвалид с первого этажа был, по его словам, «очень культурным и приветливым», хорошо говорил по-английски. С ним они обсуждали Джека Лондона и других его любимых американских писателей. Молодая студентка-шведка также показалась ему «милой и умной», правда, они разговаривали всего несколько раз. Таксист с первого этажа, возможно, «простоват» и живет замкнуто, однако интересуется футболом и другими видами спорта, поэтому Уильямс находил о чем с ним поговорить. Вечером в день убийства, столкнувшись на лестнице, они обсуждали предстоящий Кубок Норвегии.

Американец почти не знал молодоженов со второго этажа, лишь подтвердил, что они выглядят «необычно счастливыми и дружными, даже для молодых супругов». В ночь убийства Кристиан Лунд вошел в дом через парадную дверь за несколько секунд до него. Уильямс, по своему обыкновению, притронулся к шляпе, Кристиан Лунд сказал: «Добрый вечер». Так они обычно и общались: кратко, но вполне дружелюбно.

Даррел Уильямс хорошо помнил имя Харальда Олесена по 1945–1946 годам; его глубоко взволновало то, что они оказались в одном доме. Вскоре после переезда он зашел к соседу в гости и встретил радушный прием. Но и тогда, и позже Уильямсу показалось, будто Олесена

что-то гнетет, а ему не хотелось еще больше обременять его. Олесен продолжал тем не менее приветливо улыбаться ему при встрече. Однако Уильямсу не раз приходило в голову, что герой войны превращается во все более замкнутого и подавленного старика.

В день убийства Уильямс Олесена не видел. Его пригласили на ужин; он вернулся домой лишь около восьми. После вечерней прогулки беседовал на первом этаже с Конрадом Енсенем; через несколько минут они услышали наверху выстрел. Уильямс инстинктивно бросился вверх по лестнице; Енсен бежал за ним по пятам. Ни на лестнице, ни на площадке третьего этажа никого не встретили. Несколько раз позвонили в дверь, но им не открыли. Через пару минут появился и Кристиан Лунд; следом за ним поднялась жена сторожа. Из квартиры по-прежнему не доносилось ни звука, поэтому фру Хансен спустилась вниз – взять ключи и позвонить в полицию. Пока сторожиха ходила за ключами, наверх на лифте поднялся Гюллестад. Они впятером стали обсуждать, открывать дверь или не стоит, и решили подождать полицию. Они не заметили в доме никого из посторонних, а пройти мимо них никто бы не смог.

На вопрос о синем дождевике Уильямс ответил, что не видел такого ни в день убийства, ни раньше. На вопросы об огнестрельном оружии он ответил охотно и откровенно:

– Когда я приехал в Норвегию, у меня были револьвер «кольт» сорок четвертого калибра и пистолет тридцать шестого калибра, но, поскольку здешняя обстановка казалась вполне спокойной, несколько недель назад я отправил оружие домой, в Штаты.

Он признался, что лицензии на оружие у него не было, но я не видел причин донимать человека с американским дипломатическим паспортом такими мелкими придирками. В ходе обыска, проведенного накануне вечером, выяснилось, что у Уильямса, как и у других жильцов, в ночь убийства не было оружия. Правда, последнее обстоятельство не позволяло вычеркнуть его из списка подозреваемых.

3

Сара Сундквист оказалась стройной и необычно высокой молодой женщиной. Она не сразу впустила меня. Сначала долго не открывала, потом не снимала цепочку, пока не увидела мою форму. Несмотря на то что росту в ней было около метра восьмидесяти, весила она килограммов пятьдесят семь, не больше. Запястья у нее были такие тонкие, что, казалось, вот-вот переломятся, но, несмотря на очень тонкую талию, фигура у нее была пропорциональной, а осанка – грациозной. И хотя на лице у нее отражалась подавленность и тревога, невозможно было не заметить, какая у нее великолепная, женственная фигура. Простое зеленое платье с высоким воротом еще более подчеркивало пышную грудь.

Сара Сундквист очень испугалась из-за того, что произошло. Убийство, как она сказала, потрясло ее до глубины души. Впрочем, мне она показалась вполне разумной и достойной доверия. Говорила на очень правильном норвежском, хотя и с легким шведским акцентом. Сказала, что ей двадцать четыре года и она приехала из Гётеборга. В Осло она живет с августа прошлого года, изучает английский и философию, а квартиру нашла по объявлению в газете, размещенному владельцем. За квартиру она платила из своей шведской студенческой стипендии; кроме того, родители помогают ей деньгами. Кроме того, несколько часов в неделю она после учебы подрабатывает в университетской библиотеке.

Сара Сундквист, по ее словам, много занимается в университете, а в свободное время играет в любительском драматическом театре. По вечерам редко выходит из дому. В интересующий меня вечер она была дома одна. Когда прогремел выстрел, варила себе на кухне кофе. Грохот услышала отчетливо, но вначале подумала, что наверху упал на пол тяжелый предмет. Позже ее встревожил шум на лестнице, и она из соображений безопасности решила сидеть запершись в своей квартире. А потом к ней позвонили сотрудники полиции. Хотя она не видела ничего из произошедшего, впечатления у нее сложились «самые пугающие». Повторив свои

вчерашние показания, Сара добавила, что не покидала квартиры после того, как вернулась домой в начале пятого.

Я не сомневался, что при иных обстоятельствах моя собеседница наверняка чаще улыбалась. Мысленно я пожалел ее, представив, как сильно напугало убийство в доме молодой иностранку.

В квартире 2А я увидел много книжных полок, уставленных книгами на норвежском, шведском и английском языках. Сразу было ясно, что здесь живет аккуратная молодая женщина. И если не считать кухонных ножей, никакого оружия в ее квартире я не заметил. Фрекен Сундквист на мгновение смешалась, когда я спросил, не видела ли она в доме человека в синем дождевике, но потом ответила, что не встречала никого в такой одежде – ни вчера, ни когда-либо раньше.

По словам Сары Сундквист, она разговаривала с покойным Харальдом Олесеном всего пару раз, да и то коротко. Он показался ей очень приветливым пожилым человеком, всегда говорил тихо и держался очень вежливо. Она старалась подружиться с соседями – с женой сторожа и другими жильцами. Ни о ком она не могла сказать ничего плохого. Впрочем, она ни с кем не была особенно близко знакома.

– Лунды, разумеется, интересуются только друг другом и своим сынишкой, а остальные соседи гораздо старше меня.

Ни в квартире 2А, ни в ее обитательнице я не нашел ничего подозрительного; шведка показалась мне достойной доверия. Я не без сожаления воздержался от того, чтобы вычеркнуть Сару Сундквист из списка подозреваемых.

4

Судя по красной надверной табличке в форме сердца, Кристиан и Карен Лунд жили в квартире 2Б. Их сынишка, которому исполнился год и месяц, мирно спал в своей кроватке. Лунды показались мне воплощением молодой счастливой супружеской пары. И хотя они улыбались всякий раз, когда переглядывались или косились на сынишку, на мои вопросы оба отвечали вполне серьезно. Кристиан Лунд, коренастый блондин, производил впечатление человека спокойного и мирного. Убийство соседа, видимо, потрясло его. Он несколько раз повторил, что убийство в доме особенно неприятно для человека, у которого есть жена и ребенок, и, пока преступника не поймают, он боится оставлять своих близких одних.

Ни сам Лунд, ни его жена не в состоянии были даже представить, что к убийству может быть причастен кто-то из соседей; по их мнению, преступнику каким-то образом удалось проникнуть в дом с улицы. О Харальде Олесене они могли сказать только хорошее. Временами он выглядел одиноким – в конце концов, он ведь пенсионер и живет один – и все же всегда одевался со вкусом и был вполне бодр. Лунды никогда не видели в доме никакого оружия; у них его, разумеется, нет. Словосочетание «синий дождевик» также не произвело на них особого впечатления.

О себе Карен Лунд рассказала, что она – единственная дочь фабриканта из Берума. С мужем познакомилась на «довольно скучных курсах в школе бизнеса», а до замужества некоторое время работала в магазине модной одежды. Кристиан Лунд происходил из другой среды: он был сыном секретарши из Драммена, матери-одиночки. Молодой мужчина довольно пылко заявил, что его отцом может оказаться кто угодно, но он не желает знать, кто этот человек. Мать, которой он за все благодарен, умерла от рака год назад, всего за несколько дней до рождения внука. Кристиану Лунду очень нравилась его работа. С самодовольной улыбкой он сообщил, что его оценки в школе бизнеса были лучше, чем можно ожидать от такого, как он. В последнее время Кристиан получал несколько «весьма привлекательных» предложений работодателей, однако доволен своим теперешним положением управляющего магазина спортто-

варов. Его жена добавила, что ее родители обожают и зятя, и внука. В целом она держалась гораздо холоднокровнее мужа; похоже, происшествие не так сильно потрясло ее.

Выйдя от Лундов, я понял, что так и не получил ответа на один очень важный вопрос: когда Кристиан Лунд на самом деле вернулся домой в день убийства? Его жена уверенно ответила, что он вошел в квартиру ровно в девять. Он отпер дверь как раз на заставке телевизионного шоу Данни Кея, которое началось без пяти девять. Кристиан Лунд объяснил, что ему пришлось задержаться в магазине, так как у них проходит учет и нужно было заняться бухгалтерией, так что с работы он вышел в четверть девятого. Все совпадало с показаниями фру Хансен, которая утверждала, что Кристиан Лунд вернулся в девять, однако противоречило словам Даррела Уильямса, который говорил, что видел, как Кристиан Лунд вошел в дом, когда он беседовал с Конрадом Енсенем, то есть на час раньше.

Высказав молодой чете недоумение относительно такого расхождения, я заметил, как встревожился Кристиан Лунд. Он несколько раз повторил, что не возвращался домой до девяти вечера. Если же двое соседей утверждают обратное, то они либо ошибаются, либо спутали его с кем-то другим. Его жена тут же поспешила на помощь. Ее муж самый надежный и честный человек на свете, пылко воскликнула она, в середине дня он позвонил ей и предупредил, что задержится на работе и вернется не раньше девяти. Я счел за лучшее отступить и тактично удалился, чтобы подумать обо всем на досуге.

Я снова спустился к парадной двери и расспросил фру Хансен. Она нахмурилась и повторила, что вчера «Кристиан не возвращался домой до девяти вечера». В ее записях абсолютно точно отражено время, и она записывала имена жильцов в том порядке, в каком они пришли домой.

– Если Кристиан вернулся прежде Даррела Уильямса и Конрада Енсена, странно, что я записала его имя под их именами, – сказала сторожиха.

Я вынужден был признать этот довод разумным. Более того, жена сторожа хорошо помнила, как Кристиан Лунд позвонил домой и сказал, что не вернется до девяти.

Я посмотрел на аккуратный почерк жены сторожа. Трудно поверить в то, что она способна ошибиться. Но и причин сомневаться в том, что Даррел Уильямс видел Кристиана Лунда у входа на час раньше, у меня не было. Поэтому и Лундов я из списка подозреваемых не вычеркнул.

5

Мой визит в квартиру слева на первом этаже оказался более драматичным. Конрад Енсен, коротышка среднего возраста в красном свитере и габардиновых брюках, подтвердил, что работает таксистом; у него были наготове и документы, судя по которым ему принадлежала машина марки «пежо» старой модели с маячком. Машина была припаркована на улице у дома. Конрад Енсен сообщил, что живет здесь с 1948 года, холост и детей у него нет. Всю свою взрослую жизнь он живет один.

В волосах Конрада Енсена, когда-то черных, пробивалась седина. Я заметил, как во время нашего разговора выражение его лица менялось от уныния к отчаянию. Его ответы становились все суше и короче, и он все чаще задумывался, отвечая на самые простые вопросы. Да, он вернулся с работы в восемь, сразу после Кристиана Лунда и Даррела Уильямса. Да, он не сомневается в том, что Кристиан Лунд вошел в дом до него. Да, они с американцем в четверть одиннадцатого стояли на площадке у лестницы и обсуждали предстоящий футбольный матч, как вдруг послышался выстрел... Да, они вдвоем немедленно бросились наверх, на третий этаж, и попробовали позвонить в дверь. Да, Кристиан Лунд, жена сторожа и Андреас Гюлле-стад тоже поднялись туда через несколько минут. Нет, он никогда не видел в доме на Кребс-Гате синего дождевика. Неожиданно он глубоко вздохнул и чуть повысил голос:

– Наверное, лучше сказать самому, потому что рано или поздно это все равно всплывет. Я поддерживал нацистов, во время войны состоял в партии «Национальное единение», за что в сорок пятом – сорок шестом отбывал тюремный срок. В партию я вступил еще до войны, а после девятого апреля сорокового года работал на немцев – был шофером. Свое прошлое никогда не скрывал. Но позже не совершал никаких преступлений. Да и вообще ничего больше за мной не числится, ни плохого, ни хорошего.

После таких слов, вполне естественно, я взглянул на Енсена новыми глазами. Он поспешил добавить:

– Я не имел никаких дел с Харальдом Олесеном ни во время, ни после войны и к его смерти никакого отношения не имею. Более того, для меня хуже его смерти ничего не придумаешь... – Немного помолчав, он продолжил медленно и угрюмо: – Понятно, что все сразу заподозрят меня. Пройдет совсем немного времени, и в газетах напишут, что я нацист. И я стану для всех мишенью. Я уже сталкивался с таким от ношением, когда вышел из тюрьмы. Ведь мне дважды пришлось менять фамилию: Конрад Хансен стал Конрадом Педерсеном, а теперь – Конрадом Енсеном. Всегда находятся те, кто в курсе дела, и рано или поздно меня начинают обзывать Конрадом Квислингом. А некоторые пассажиры отказываются садиться в мое такси, услышав, что я состоял в «Национальном единении». Правда, в последнее время такие случаи бывали довольно редко. Но теперь у меня снова начнется черная полоса...

Конрад Енсен медленно встал с дивана, подошел к окну и показал на широкую улицу внизу:

– Вон моя машина. Не новая, да и когда была новой, не назвал бы ее лучшей в мире, но еще на ходу, и ближе мне любого человека. Мой автомобиль – мой самый верный друг. Понимаю, это мальчишество, но я прозвал его Петтером, в честь друга детства. Петтер Пежо и Конрад Енсен, пара неудачников, которые вместе состарились и знают улицы Осло лучше многих... – Он снова помолчал и с горечью продолжал: – В феврале мне стукнуло пятьдесят, но отмечать юбилей пришлось в одиночестве – скромным обедом в ресторане. С бывшими соратниками по партии я не хочу иметь ничего общего, а найти новых друзей совсем непросто. Мои родители давно умерли, а с братом и сестрой я почти не поддерживаю отношений. В последний раз получил весточку от брата в сороковом году; чтобы отдать мне деньги, которые я дал ему займа, он взял кредит под грабительские проценты. Сестра прислала мне на пятидесятилетие открытку, в которой было всего семь слов, да и доставили ее с опозданием на четыре дня!

Личная жизнь Конрада Енсена и его отношения с родней меня не слишком интересовали. Дождавшись, пока мой собеседник в очередной раз замолчит, чтобы набрать в грудь воздуха, я спросил, каковы его отношения с соседями.

– Да почти никаких. Мы встречаемся на лестнице, здороваемся, иногда обсуждаем повседневные дела. Сторож и его жена, разумеется, знают о моем прошлом. Они, правда, никогда ни в чем меня не обвиняют, но и не особенно охотно разговаривают. Должно быть, Олесену тоже кое-что было известно. Он уже жил в доме, когда я сюда переехал; несомненно, слышал обо мне от кого-то из соратников. Нельзя сказать, чтобы мы с ним враждовали, но и не дружили. Он ни разу не заговорил со мной, а я не смел к нему обращаться. Когда мы случайно сталкивались на лестнице, мне всегда казалось, что он смотрит на меня презрительно. Не скрою, Харальд Олесен мне не нравился, но у меня не было причин его убивать. Его смерть сильно осложнит мне жизнь, особенно если убийцу быстро не найдут.

Немного помолчав, Конрад Енсен перешел к другим соседям.

– Американец с третьего этажа поселился у нас сравнительно недавно. Правда, он неплохо говорит по-норвежски и вообще человек симпатичный. Мы с ним болтаем о спорте, когда выпадает случай. Инвалид с первого этажа очень вежливый, всегда улыбается и здоровается, но не более того. Он ведь из богатой семьи и получил хорошее образование; где ему дружить с таким, как я! Молодожены со второго этажа заняты только собой. Время от времени

они просят меня подвезти их куда-нибудь на такси – на вечеринку или в гости, но по пути мы почти не разговариваем. Они молодые, у них вся жизнь впереди, а я – старик, который коротает свой век и ждет смерти.

Когда я напомнил ему о Саре Сундквист, Конрад Енсен неожиданно рассмеялся, точнее, с горечью хохотнул:

– А правда, странно... При таком прошлом я очутился в одном доме со знаменитым борцом Сопротивления и еврейкой.

Она и живет этажом выше и положение занимает во многом выше моего. Мне это не нравится. Правда, она ведет себя тихо, не скандалит, никуда не лезет.

Я не заметил никаких указаний на то, что Сара Сундквист еврейка, и сразу же спросил, откуда ему это известно. В ответ Конрад Енсен снова с горечью хохотнул:

– Если я в чем-то разбираюсь в этой жизни помимо машин... Я всегда узнаю еврея, когда вижу его! Сразу могу определить – по носу, волосам и глазам. Я совершенно уверен, что она еврейка.

Конрад Енсен, очевидно, не привык к тому, что его слушают, и разговорился. Несколько секунд он собирался с мыслями, а потом продолжал:

– Понимаю, сейчас неразумно говорить в открытую то, что говорю я, но... все-таки мы, члены «Национального единения», оказались правы насчет Сталина и его дружков-большевиков. Сегодня с этим согласны даже ведущие политики из Норвежской рабочей партии. Когда-нибудь окажется, что мы и насчет евреев были правы. Я не хотел, чтобы евреев убивали; просто хотел, чтобы они уехали. Хорошо, что у них теперь есть свое государство на другом конце света, и, надеюсь, большинство из них рано или поздно туда отправится. Так будет лучше и для них, и для нас всех. – Он кивком указал на потолок и понизил голос: – Хотя вот она почти не шумит и никому не создает проблем. Не знаю, может, в ее жилах течет и нордическая кровь – лучше вам спросить у нее самому. – Он снова замолчал. Несомненно, не обнаружил во мне сочувствия, потому что закончил снова с горечью: – Больше мне нечего вам сказать, и надеюсь, что вы ищете убийцу, а не козла отпущения.

Я вовсе не искал козла отпущения; кроме того, Конрад Енсен ответил на все мои вопросы. Поэтому я вежливо попрощался с ним и вышел. После его признаний он, естественно, стал у меня главным подозреваемым. После Енсена я снова поднялся на второй этаж и позвонил в квартиру Сары Сундквист. Она приоткрыла дверь так же осторожно и медленно, как в первый раз, но, увидев меня, широко улыбнулась. Я извинился и объяснил, что вынужден расспросить о ее корнях. Немного помолчав, она ответила, что ее родители – евреи и они погибли во время войны. Насколько ей известно, кроме нее, других детей у них не было, а об остальных своих еврейских родственниках почти ничего не знает. Ей повезло, так как ее удочерили супруги-учителя из Гётеборга; они вырастили Сару вместе с двумя своими дочерьми.

Я пока не видел необходимости расспрашивать ее подробнее. Но пришлось нехотя признать, что кое в чем на Конрада Енсена можно положиться и что Сара Сундквист также представляет для следствия определенный интерес. А история с тем, когда Кристиан Лунд в самом деле вернулся домой в день убийства, становится еще более запутанной.

6

Я позвонил в квартиру 1А, где проживал Андреас Гюллестад. Прежде чем он открыл, прошло больше минуты. Сидя в своем инвалидном кресле, он посмотрел на меня снизу вверх, приветливо улыбнулся и тут же пригласил в гостиную. Светловолосый Гюллестад сообщил, что ему тридцать девять лет. Из-за сидячего образа жизни он немного располнел; мне показалось, что лишний вес соответствует его природному добродушию. Если бы он мог стоять, то был бы чуть выше меня ростом. Говорил он звонко, словарный запас выдавал человека культурного.

Убийство, похоже, не особенно его потрясло; он куда больше обрадовался тому, что к нему пришел гость.

– Добро пожаловать в мою скромную обитель, о благородный детектив! Я рад буду внести свою скромную лепту в раскрытие этого зловещего преступления. Позвольте предложить вам чаю или кофе!

Ожидая меня, он накрыл стол на двоих и поставил чайник. Чтобы не огорчать его, я ответил, что с удовольствием выпью чаю. Он предложил мне несколько сортов на выбор. Квартира Андреаса Гюллестада казалась оазисом хорошего вкуса и покоя: картины на стенах, стеллажи, тесно уставленные книгами, телевизор, дорогая мебель. Удобно устроившись на подушке в инвалидном кресле, мой хозяин казался вполне довольным судьбой. Он ко всему относился философски, даже к убийству, произошедшему в его доме.

Гюллестад рассказал, что переехал сюда четыре года назад, после «весьма прискорбного» несчастного случая, оставившего его парализованным ниже пояса. Его прежняя квартира стала для него «несколько неудобной». Грустно улынувшись, он добавил:

– Никогда, даже в страшном сне, я и представить не мог, что буду жить в рабочем районе!

Тем не менее он тут же переехал в эту квартиру и с тех пор ни разу не пожалел, что купил ее. Для него было важно жить на первом этаже в здании с низкими порогами и лифтом. Более того, отзывчивые соседи его приятно удивили. Покойный Харальд Олесен всегда держался вежливо и приветливо; кроме того, для человека, который во время войны был ребенком, поистине большая честь жить в одном доме с прославленным героем Сопротивления. Гюллестад не допускал и мысли о том, что Олесен убил кто-то из жильцов. Он также не представлял, чтобы у кого-то из соседей имелся мотив для убийства. По его мнению, преступник каким-то образом проник в дом с улицы, хотя как – он не мог мне объяснить.

Кроме того, Гюллестад намекнул, что сторож попивает, и потому у его жены совсем нелегкая жизнь. Правда, когда сторож трезв, он всегда охотно помогает ему, а уж фру Хансен – сама отзывчивость. Даррел Уильямс поселился здесь позже других. Как-то он зашел к Гюллестаду выпить кофе и оставил о себе весьма «благоприятное» впечатление. Гюллестад, правда, подчеркнул: поскольку живет на первом этаже, он не слишком хорошо знает, что происходило наверху. Конечно, с молодоженами со второго этажа у них просто замечательные отношения.

Что касается Конрада Енсена, Гюллестад знал о его «весьма печальном» военном прошлом; он сразу недвусмысленно заявил, что очень сожалеет об этом. Но он способен закрыть глаза на старые грехи, ведь теперешнее поведение Енсена не дает оснований в чем-то его заподозрить. Почти наверняка во время войны Енсену пришлось несладко; теперь он одинок и, похоже, совсем разуверился в жизни. Тем не менее и его Гюллестад никак не мог представить хладнокровным убийцей. Вскоре после того, как в доме поселилась шведская студентка, он и ее пригласил к себе выпить кофе; она была «само очарование» и остается такой до сих пор.

Гюллестад ненадолго задумался, посасывая кусок сахара. Потом очень тихо добавил, что, «рискуя показаться бестактным», все же считает своим долгом кое-что рассказать в связи с фрекен Сундквист. Возможно, его наблюдение как-то связано с тем, что интересует меня. Хотя он никогда не видел ее с мужчиной и не слышал, чтобы она упоминала о спутнике жизни, у него сложилось впечатление, что у нее кто-то есть. Спальня Гюллестада расположена под спальней Сары Сундквист, и звуки, которые оттуда доносятся, указывают на то, что время от времени у нее случаются «очень приятные романтические свидания». Он слышит упомянутые звуки только по вечерам, между пятью и семью, и никогда по ночам. Так что, судя по всему, поклонник Сары Сундквист навещает ее во второй половине дня и не остается на ночь.

На вопрос об оружии Андреас Гюллестад сразу же ответил, что у него оружия нет, да и у соседей он ничего такого не видел. Когда я спросил о синем дождевике, он задумался и серьезно ответил:

– Я определенно не видел синих дождевиков в доме в день убийства, зато прошлым летом встретил на лестнице неизвестного мужчину в широком синем дождевике с капюшоном. Его лицо прикрывал красный шарф.

Естественно, его слова меня крайне заинтересовали, и я попросил рассказать подробнее. Гюллестад снова надолго задумался, прежде чем ответить.

– Я совершенно уверен, что в прошлом году видел здесь мужчину в синем дождевике. Тогда это показалось мне странным, потому что погода в тот день стояла хорошая, дождя и в помине не было, и я довольно долго гадал, к кому мог прийти такой странный гость. Точной даты не назову, но, по-моему, то был канун Троицына дня. Вначале мне даже показалось, что он оделся так на карнавал или другой праздник. К сожалению, больше я ничем не могу вам помочь.

Я с жаром ухватился за новый след и спросил, уверен ли мой собеседник, что видел именно мужчину. Гюллестад снова задумался, не торопясь с ответом. Он показался мне весьма добросовестным и вдумчивым свидетелем.

– Да, мне так кажется, потому что тот человек был довольно высоким, но присягнуть в суде я не готов. В конце концов, я видел его лишь мельком, и не всегда просто понять, кто прячется под таким широким дождевиком.

О себе Андреас Гюллестад рассказал, что родился в небольшом городке в Оппланне, возле Йовика. Несмотря на то что его отец умер рано, в детстве Андреас не знал тягот и лишений. Его мать умерла, когда ему исполнилось двадцать пять лет; после этого он вступил в права наследования. Наследство оказалось таким значительным, что если он будет тратить его умеренно, то ему хватит до конца жизни. Большую часть денег он положил в банк, а часть вложил в акции, которые приносят ему «стабильный», как он выразился, доход. Несчастный случай, после которого он стал инвалидом, конечно, стал для него ударом, после которого его жизнь круто перевернулась. Тем не менее автокатастрофа не стала для него такой трагедией, какой была бы для многих других, не столь обеспеченных, людей. Так как ему не нужно было зарабатывать себе на хлеб, он долго – около двадцати лет – учился то тому, то другому, а вообще вел весьма приятную жизнь. Снова печально улыбнувшись, Андреас Гюллестад заметил:

– А сейчас я в основном сижу в своей квартире, смотрю телевизор, слушаю радио, читаю книги и газеты. Вынужден признаться, что и до несчастного случая, живя на старой квартире, я занимался примерно тем же. Разница в том, что сейчас я плачу людям, чтобы они ходили для меня по магазинам, и не чувствую себя виноватым.

Прежде чем отпустить меня, Андреас Гюллестад спросил, «приемлемо» ли для него навестить сестру в Йовике на выходные, как они договорились заранее. Есть кое-какие «семейные дела», которые им необходимо обсудить, а теперь его сестра и племянница, несомненно, волнуются за него и им не терпится больше узнать о случившемся. Он заверил меня, что вернется в воскресенье после обеда, и продиктовал номер телефона, по которому его можно будет найти. Я не видел причин не отпустить его.

После посещения Андреаса Гюллестада у меня сложилось впечатление, что он – наименее вероятный кандидат на роль убийцы. Тем не менее он тоже мог, умышленно или неумышленно, утаивать важные сведения. Для меня наибольший интерес представляли его слова о человеке в синем дождевике, особенно потому, что он упомянул еще красный шарф, о котором я ничего не говорил. Кроме того, важными представлялись сведения о тайном госте Сары Сундквист: интересно, как ему удастся войти в дом и выходить из него незамеченным?

После Андреаса Гюллестада я сразу же спустился к жене сторожа и снова спросил о синем дождевике. Не помнит ли она человека в такой одежде? Фру Хансен думала целую минуту, а потом ответила: она ни в чем не уверена, но, возможно, прошлым летом она видела в доме человека в таком дождевике. То есть видела она его только мельком, в коридоре или на лест-

нице. Она подумала, что, скорее всего, ошиблась, так как такой человек не входил в дом и не выходил из него. Правда, она могла разминуться с ним, когда отлучалась в магазин.

Я снова вернулся к Саре Сундквист и объяснил, что, к сожалению, забыл спросить, часто ли у нее бывают гости. Она ответила, что время от времени к ней заходят друзья, но уже несколько недель у нее никого не было. Она в последнее время реже видится с однокурсниками, так как все готовится к сессии. На мой вопрос, есть ли у нее жених или спутник жизни, она ответила отрицательно, тихо добавив:

– За те восемь месяцев, что я здесь живу, никто не оставался у меня на ночь.

Я вспомнил слова Андреаса Гюллестада. На ночь у нее действительно никто не оставался, но вот днем... Таинственный гость Сары Сундквист тоже стал для меня загадкой.

7

Войдя в свой кабинет, я увидел на столе отчеты. Правда, они пока не очень мне помогли. Судмедэксперт со всей определенностью отрицал версию о том, что убийца мог стрелять из дома напротив. Харальда Олесена убили единственным выстрелом из пистолета «кольт» сорок пятого калибра с близкого расстояния. Пуля попала в сердце, вызвав мгновенную смерть. Других травм и повреждений на теле Олесена не обнаружили. Кроме того, судмедэксперт полагал, что смерть могла наступить вчера от восьми до одиннадцати вечера. Правда, показания соседей позволили сузить время смерти и даже установить его довольно точно: выстрел прогремел в четверть одиннадцатого.

Выписки из бюро актов гражданского состояния подтверждали то, что мне было уже известно. Харальд Олесен родился в 1895 году в семье известного фармацевта из Хамара. Он женился в 1923 году; они с женой прожили вместе сорок лет, вплоть до ее смерти. Она, дочь судовладельца, получила хорошее образование, но всю жизнь была домохозяйкой. У Олесена были старший брат и младшая сестра, но оба умерли раньше его. Поскольку его родители скончались уже давно, а детей у него не было, ближайшими родственниками и возможными наследниками считались племянница и племянник, жившие на западной оконечности Осло. После войны Харальд Олесен несколько раз переезжал с одной квартиры на другую, но с 1939 года жил в доме номер 25 на Кребс-Гате.

В полиции имелось досье только на Конрада Енсена. Как он и говорил, в 1945–1946 годах был осужден за государственную измену и полгода отсидел в тюрьме. Других преступлений за ним не значилось.

Естественно, в записях бюро актов гражданского состояния не имелось сведений ни об американце Дарреле Уильямсе, ни о шведке Саре Сундквист; что же касается норвежских граждан, данные лишь подтвердили то, что соседи покойного сообщили о себе сами. Ни о Конраде Енсене, ни о Карен Лунд я не узнал ничего нового. Зато выяснил один любопытный факт, связанный с Андреасом Гюллестадом. Оказывается, он взял это имя четыре года назад, а до того его звали Ивар А. Стурскуг. Впрочем, все остальные сведения совпадали с тем, что рассказал он сам. Его отец был богатым фермером из фюльке Оппланн; ему принадлежали значительные земельные и лесные владения, и он умер в 1941 году, в возрасте всего сорока восьми лет. Мать Андреаса Гюллестада скончалась в 1953 году. Андреас Гюллестад никогда не был женат, у него не было детей, а ближайшей родственницей в самом деле оказалась старшая сестра, которая жила в Йовике.

Самые любопытные сведения я получил относительно Кристиана Лунда. В графе «отец» в свидетельстве о рождении стоял прочерк, а мать была секретаршей из Драммена. Однако Кристиан Лунд либо не знал, либо не хотел мне рассказывать, что его мать в 1937–1945 годах состояла в «Национальном единении». В течение трех последних лет войны она работала на немцев и занимала несколько административных должностей. К выписке прилагался прото-

кол ее допроса в связи с обвинением в государственной измене; после войны мать Кристиана Лунда приговорили к восьми месяцам заключения, но через четыре месяца освободили «за примерное поведение и учитывая наличие у нее малолетнего сына». В соответствии с документами, Кристиан Лунд появился на свет в Драммене 17 февраля 1941 года и был единственным ребенком у своей матери.

В результате я пришел к такому выводу: из всех соседей Олесена я должен в первую очередь еще раз допросить именно Кристиана Лунда. Ни у кого из соседей не было явного мотива для убийства Харальда Олесена. День не принес мне никаких откровений. Я вспомнил слова Даррела Уильямса о том, что Харальда Олесена последнее время что-то беспокоило. Его впечатление казалось вполне весомым – в конце концов, Харальда Олесена убили, – но я по-прежнему понятия не имел, с чем было связано беспокойство убитого. За неимением более веских улик, я решил завтра постараться выяснить, что именно могло беспокоить Олесена в последний год жизни.

Не сразу, но мне все же удалось дозвониться до племянника Харальда Олесена. Иоаким Олесен, экономист по профессии, работал советником в министерстве финансов. Он уже ждал звонка из полиции и сразу же согласился на следующий день приехать для беседы в полицейское управление вместе с сестрой. Я заранее спросил фамилию лечащего врача Харальда Олесена и название его банка. Племянник ответил мне сразу же, не задумываясь. Следующие два звонка не принесли результатов – оказалось, что врач сам болен, а банк закрыт на учет.

Возвращаясь домой вечером второго дня расследования, я вынужден был признать, что ничего толком не выяснил. Поскольку никаких улик у меня не было, в главные подозреваемые я записал бывшего члена «Национального единения» Конрада Енсена. Впрочем, у него, как и у всех остальных жильцов, не было не только мотива и орудия, но также и возможности для убийства. Я по-прежнему понятия не имел, где их искать.

Короче говоря, субботних выпусков газет я ждал без всякой радости. Хотя расследование убийства предлагает массу возможностей, я рисковал попасть в опалу. Тогда я еще не догадывался о том, что вскоре не только столкнусь с коварным и расчетливым убийцей, но мне выпадет удовольствие сотрудничать с самой примечательной во всех отношениях личностью. Дома я долго и безрезультатно размышлял над делом в одиночку до тех пор, пока меня не одолел сон.

День третий. Принцесса с Эрлинг-Шалгссон-Гате и ее сенсационные открытия

1

6 апреля 1968 года, в субботу, я проснулся раньше, чем собирался. Будильник поставил на восемь, но телефон разбудил меня за четверть часа до этого. Звонивший оказался упорным и не оставлял попыток, пока я с трудом не выбрался из кровати. Сняв трубку, услышал низкий властный голос, показавшийся мне смутно знакомым:

– Прошу прощения, что побеспокоил так рано, да еще в субботу, но дело, возможно, будет для тебя небезынтересным... Надеюсь, я говорю с инспектором уголовного розыска Колбьерном Кристиансенем?

Подтвердив, что неизвестный угадал, я тряхнул головой, стараясь окончательно проснуться и вспомнить, где уже слышал этот голос. К счастью, мне не пришлось долго гадать.

– Говорит профессор Рагнар Сверре Боркман. Во-первых, позволь поздравить тебя с недавним повышением. Кстати, надеюсь, я могу по-прежнему обращаться к тебе на «ты»? Ведь ты помнишь, как я приходил к вам в гости, когда ты был еще малышом?

Конечно же я его помнил. Профессор Рагнар Боркман был плодовитым ученым и давним университетским другом моего отца. Хотя во времена моего детства он приходил к нам в гости не очень часто, его посещения всегда бывали памятными.

– Я звоню тебе в связи с убийством Харальда Олесена. Мне не хотелось бы, конечно, возбуждать ложные надежды, но мне кажется, что я смогу в каком-то смысле тебе помочь. Разумеется, только ты вправе делать выводы о том, стоит ли моя информация проверки; к тому же у тебя наверняка имеются другие важные зацепки.

По правде говоря, никаких других зацепок у меня не было, и я охотно побеседовал бы с любым достойным доверия человеком, способным помочь следствию. Более того, я в любом случае с интересом выслушал бы все, что хотел сказать профессор Рагнар Боркман. Но главное, мне стало крайне любопытно, что же такое он может мне рассказать в связи с моим делом. Поэтому я без колебаний ответил, что почту за честь встретиться с ним сегодня же – от одиннадцати до двенадцати, если ему удобно.

– Превосходно! Значит, встретимся ровно в одиннадцать. По причинам, которые ты вскоре поймешь, я предпочитаю встретиться здесь, у меня дома, и, если нужно, с радостью пришлю за тобой машину.

Я поблагодарил, но ответил, что присылать за мной машину нет необходимости, уточнил адрес – оказалось, что он, как раньше, жил в доме 104–108 по Эрлинг-Шалгссон-Гате, – и обещал приехать ровно к одиннадцати.

2

Как я и думал, в субботу газеты больше внимания уделили недавнему убийству. Во всех выпусках поместили фотографии дома номер 25 по Кребс-Гате; первые полосы пестрели старыми, времен войны, снимками Харальда Олесена. Заголовки не отличались большим разнообразием: в одних газетах репортажи имели заголовок «Убийство героя Сопротивления в собственном доме», в других – «Таинственное убийство на Кребс-Гате». К счастью, о ведущем деле следователи писали вполне благожелательно. Меня называли «весьма способным молодым инспектором уголовного розыска». Один журналист даже упомянул о том, что коллеги из-

за имени и фамилии, начинающих на одну букву, прозвали меня K^2 (К в квадрате) и что меня считают многообещающим детективом, способным решать сложные задачи и сделать головокружительную карьеру.

Я догадывался, что жители дома 25 по Кребс-Гате в то утро читали прессу без особого удовольствия. Хотя фамилии соседей убитого не называли, по адресу и фотографиям любому заинтересованному лицу не составляло труда их опознать. Наверное, особенно неприятно было Конраду Енсену. Несколько журналистов упомянули о том, что в доме живет бывший нацист, в свое время осужденный за государственную измену. Кроме того, в одной центральной газете появилась информация, что этот бывший нацист сейчас работает водителем такси. Напечатали и снимок его машины.

Племянник и племянница Харальда Олесена вошли в мой кабинет ровно в девять. С первого взгляда они производили впечатление людей обеспеченных и благонадежных; обоим было за сорок. Племянница, высокая блондинка, назвалась Сесилией Олесен; она работала администратором в жилищно-строительной кооперативной ассоциации Осло. Ее брат был одного с ней роста, только более темноволосый, и казался немного серьезнее. Отвечая на вопрос о семейном положении, Иоаким Олесен сказал, что он женат и у него двое детей дошкольного возраста. Его сестра в свое время была замужем и имела дочь, но после развода вернула девичью фамилию. Племянница и племянник утверждали, что поддерживали хорошие отношения с дядей, хотя виделись с ним лишь от случая к случаю. Хотя после смерти жены Харальд Олесен замкнулся в своем мирке, он все же регулярно общался с родственниками. Он почти ничего не рассказывал близким о своих соседях. Кроме того, и племянница, и племянник придерживались того мнения, что в последнее время Харальд Олесен выглядел подавленным, однако его состояние их не удивляло. Все объяснялось довольно просто. В прошлом году на рождественском обеде Харальд Олесен сообщил им, что у него нашли рак и, возможно, до следующего Рождества он не доживет. Известие о его скорой кончине не стало для них совершенно неожиданным, хотя, конечно, обстоятельства смерти потрясли всю семью.

И племянница, и племянник знали, что родственников ближе их у покойного дяди нет, и потому они могут рассчитывать на солидное наследство. Однако с дядей на тему наследства при жизни они разговор не заводили, да и он не особенно распространялся. После смерти отца, их деда, Харальду Олесену досталась значительная сумма. Жил он всегда скромно, деньги не транжирил, к тому же много лет прилично зарабатывал и сам. Родственники имели все основания считать его человеком богатым. С ними связался дядин поверенный; он сухо и деловито сообщил, что, в соответствии с пожеланиями покойного, завещание будет вскрыто и оглашено в помещении юридической фирмы через шесть дней после его смерти, точнее, в среду, 10 апреля, в полдень.

Я сделал пометку насчет рака; ничего важнее от племянника с племянницей не узнал. Впрочем, они вспомнили, что год назад Харальд Олесен известил родню о том, что вскоре выйдет книга о нем. Желание написать биографию известного человека изъявил студент-историк Бьёрн Эрик Свеннсен. Хотя племянник с племянницей не приставали к дяде с расспросами, насколько они поняли, к настоящему времени книга почти готова. Харальд Олесен намекнул, что довольно откровенно отвечал на вопросы добровольного биографа и предоставил ему частичный доступ к своему архиву.

Больше они не знали ничего относящегося к делу. Около десяти я попрощался с ними и обещал держать в курсе событий. Студент-историк Бьёрн Эрик Свеннсен попал в список тех, с кем мне нужно было связаться как можно скорее. Мне показалось странным, что прошло уже два дня после убийства, а он еще не объявлялся. К счастью, эта маленькая загадка довольно быстро разъяснилась. По словам секретарши, мне звонила какая-то женщина и уверяла, что ей совершенно необходимо со мной поговорить. Как оказалось, мне безуспешно пыталась позвонить некая Ханне Лине Свеннсен, мать Бьёрна Эрика Свеннсена. Она сказала, что ее сын

уехал на международную социалистическую молодежную конференцию в Риме, но ему сообщили о том, что произошло, по телефону и телеграммой. Вечером в воскресенье он должен вернуться в Осло и утром в понедельник явиться в полицейское управление. Хотя связь с Римом была плохой, Бьёрн Эрик Свеннсен сказал, что у него, возможно, имеются важные сведения о молодых годах Харальда Олесена. Разумеется, он поделится ими со следствием. Я нехотя смирился с тем, что с Бьёрном Эриком Свеннсеном нельзя будет связаться до утра понедельника. В конце концов, хорошо, что скоро мы узнаем что-то новое о Харальде Олесене! Во всем надо видеть и положительную сторону...

Тем временем я позвонил в адвокатскую контору «Рённинг, Рённинг и Рённинг». К сожалению, оказалось, что того Рённинга, который занимался интересующим меня делом, а именно Артура Рённинга-младшего, нет на месте. По словам секретарши, он пару дней назад улетел в Западный Берлин. Секретарша извинилась и робко объяснила: «по некоторым данным», Рённинг-младший собирался встретиться с одним или несколькими личными друзьями в Центральной Европе, но никто не знает, куда он поехал из аэропорта. Когда в пятницу утром он звонил на работу в связи с другим делом, ему, конечно, сообщили о смерти Харальда Олесена. Рённинг-младший тут же объяснил, что в завещание Олесена недавно «внесли принципиальные изменения», и, в соответствии с недвусмысленным пожеланием покойного, оно будет вскрыто и оглашено через шесть дней после его смерти.

Рённинг-младший обещал, что будет лично присутствовать на оглашении завещания в помещении конторы в среду, 10 апреля, в полдень. Он постарается как можно скорее разослать телеграммы всем «заинтересованным лицам», которых распорядился позвать покойный. На тот случай, если фирмой заинтересуется полиция, Рённинг-младший просил передать: последний вариант завещания был официально заверен с соблюдением всех формальностей. Кстати, представители правоохранительных органов также могут прийти в среду на вскрытие и оглашение завещания. Затем он извинился, сказав, что должен «бежать на очень важную встречу», и закончил разговор. К сожалению, в его кабинете завещания не нашли, а телеграмма от него еще не пришла. Таким образом, оставалось ждать приезда Рённинга-младшего, а пока его коллеги, к сожалению, ничем не могли помочь следствию. Рённинг-младший – «необычайно талантливый молодой юрист, ревностно относится к формальностям и тактичен по отношению к своим клиентам», сказала в заключение секретарша, словно извиняясь. Я без труда ей поверил и, понимая, что ничего другого мне не остается, попросил передать, чтобы Рённинг-младший, если до него удастся дозвониться до утра среды, как можно скорее связался со мной.

Врач Харальда Олесена по-прежнему находился на больничном, но охотно согласился ответить на мои вопросы по телефону. Какое-то время подумав, он решил, что в виде исключения может поступиться врачебной тайной. Тем более что пациент, о котором идет речь, уже умер. Итак, доктор подтвердил, что с год тому назад у Олесена нашли рак кишечника. Последние месяцы болезнь развивалась стремительнее, чем ожидалось, и в декабре Олесена предупредили: возможно, жить ему осталось всего несколько месяцев. Олесен воспринял известие с выдержкой, достойной восхищения. Он ненадолго задумался, а затем сказал, что должен разобратся с важными делами до того, как станет слишком поздно. Тогда доктор решил, что такая реакция вполне естественна, и не спросил Харальда Олесена, о каких делах идет речь.

Банк Олесена по-прежнему был закрыт. Однако во время обыска в его квартире нашлись документы, отвечавшие почти на все вопросы, которые я собирался задать в банке. Судя по всему, Харальд Олесен был очень организованным человеком. Выписки за последние пять лет лежали в папке в ящике стола. Если верить им, Харальд Олесен умер богачом. Последнюю выписку прислали в марте 1968 года; согласно ей, на счете находилось свыше миллиона крон. Однако я обратил внимание на то, что с 1966 по первый квартал 1967 года денег на счете было гораздо больше. За последние полгода счет Харальда Олесена «похудел» по крайней мере на 250 тысяч крон, хотя пенсии госслужащего должно было с лихвой хватать на расходы овдовев-

шему пенсионеру. Кроме того, не было никаких указаний на то, куда делись снятые со счета деньги. Он снимал деньги наличными три раза. Сначала, в октябре 1967 года, он снял 100 тысяч крон, затем, в феврале 1968 года, еще 100 тысяч, и месяц спустя – 50 тысяч крон.

Я решил, что возможны два варианта. Либо Олесен начал делать ставки или вкладывать деньги в рискованные предприятия, либо выплачивал крупную сумму одному или нескольким людям. Последнее казалось более вероятным, и естественно было предположить, что убийство так или иначе связано с шантажом.

Не без досады я понял, что, несмотря на все более важные сведения, я ни на шаг не продвинулся вперед. Посмотрев на часы, я обнаружил, что уже половина одиннадцатого. По крайней мере, одна загадка, как я надеялся, вскоре разрешится. Что собирается поведать мне профессор Рагнар Боркман? Размышляя об этом, я не спеша подъехал к дому номер 104–108 по Эрлинг-Шалгссон-Гате.

3

При росте свыше метра девяноста и весе около ста двадцати килограммов Рагнар Боркман обладал одной из самых внушительных фигур, какие мне довелось видеть. Еще большее почтение внушали его характер и интеллектуальные способности. Рагнар Боркман был единственным сыном консула и директора одной из крупнейших компаний в Осло. Он унаследовал отцовскую корпорацию, но бизнес был для него в некотором роде хобби. Боркман, профессор-экономист, написал массу книг и обладал безупречной репутацией. Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что в шестьдесят четыре года профессор Рагнар Боркман считался не только одним из богатейших жителей Осло, но и одним из самых уважаемых интеллектуалов Норвегии.

Мало кто знал, что профессор также много лет несет тяжелое бремя. Впервые я услышал об этом в десятилетнем возрасте, в конце войны. Как-то субботним вечером Боркман с женой допоздна засиделся у нас в гостях. И профессор, и его супруга всегда живо интересовались мной; они расспрашивали меня об учебе и о планах на будущее. В тот вечер, когда я ложился спать, отец сказал:

– Есть много такого, в чем я завидую Рагнару Боркману, и все же я богаче его, потому что у меня есть ты.

Рагнар Боркман женился рано, в двадцать с небольшим, на девушке из очень хорошей семьи; ей тоже сулили блестящую научную карьеру. Они всегда выглядели счастливой и гармоничной парой, но детей у них не было, что особенно огорчало профессора. В 1948 году Рагнару Боркману исполнилось сорок четыре; он был обладателем большого состояния, многих объектов недвижимости и внушительной библиотеки, но все это некому было оставить. Всем казалось, что профессор и его жена отбросили мысли о рождении наследника.

Мои родители принадлежали к высшим классам; в наших кругах не принято проявлять чувства на публике. Помню, что отец и мать при мне кричали лишь однажды – да и то со слезами радости на глазах. В июле 1949 года, вернувшись из школы, я узнал, что сорокатрехлетняя Каролине Боркман ждет ребенка. Только тогда до меня дошло, как переживали свою бездетность сами Боркманы и их близкие. В то лето они пребывали в состоянии радостного ожидания. В январе 1950 года меня вместе с родителями пригласили на крестины их дочери. На церемонии присутствовали еще 250 человек из числа столичной культурной, финансовой и интеллектуальной элиты. Наши знакомые шутили: мол, в Осло не видели ничего подобного с крещения кронпринца в 1939 году, но ведь и дочь профессора Боркмана была в некотором смысле наследницей целой империи. Выбор имени для единственного ребенка стал нелегкой задачей для родителей, ведь у девочки были такие прославленные предки с обеих сторон! В конце концов родители выбрали несколько имен: Патриция Луиза Изабелла Элизабет Боркман.

По словам моих родителей, дочка Боркманов научилась читать в четыре года. В восемь лет она прочла первую пьесу Ибсена. В десять о ней написали на первой полосе одной из центральных газет. Статья называлась «Сверхспособная дочь профессора против обычной средней школы». Проблема заключалась в том, что директор школы, при поддержке министерства образования, согласился перевести девочку только на один класс вперед, в то время как ее родители и учителя считали, что уместнее будет перевести ее вперед на три класса. На следующий год о Патриции Луизе И. Э. Боркман снова написали в газетах, на сей раз в спортивном разделе. Ее называли восходящей звездой в фигурном катании, «новой Соней Хени». Репортеры упоминали также о том, что Патриция замечательно стреляет: она выиграла несколько соревнований общенационального чемпионата среди юниоров.

Однажды, зимой 1963 года, мы с мамой возвращались домой с катка и встретили на улице Патрицию Луизу и ее родителей. Профессор Боркман, как всегда, завладел разговором. И вдруг посередине его анализа новостей дня – он говорил о вотуме недоверия правительству Эйнара Герхардсена после дела компании «Кингз Бэй» – случилось немыслимое. Патриция не только поправила профессора в изложении фактов, но и подвергла сомнению его выводы. И самым поразительным было то, что Боркман воспринял слова дочери чуть ли не с радостью, охотно признал свои ошибки и несколько раз погладил своего критика по голове. Происшествие произвело на нас с матерью неизгладимое впечатление.

– Мы еще услышим об этой девочке, – сказала мама, когда мы пошли дальше.

К сожалению, мне пришлось вспомнить тот случай и слова мамы после трагедии, навсегда окрасившей жизнь Боркманов в черные тона. Оказалось, что в тот день мы видели фру Боркман в последний раз. Да и Патриции больше не суждено было кататься на коньках. Через несколько дней машину, в которой ехали фру Боркман и Патриция, занесло на обледенелом перекрестке и она врезалась в тяжелый грузовик. В результате лобового столкновения водитель и фру Боркман, сидевшая на переднем сиденье, погибли на месте, а Патриция, сидевшая сзади, получила тяжелейшие травмы. Пять дней она находилась в коме; врачи боролись за ее жизнь. Первые дни все опасались, что девочка не доживет до утра. Через десять дней после автокатастрофы в одной газете появилась маленькая заметка: жизнь девочки вне опасности, но ходить она, скорее всего, больше не сможет. Тогда представители прессы в последний раз уделили внимание Патриции Луизе И. Э. Боркман.

Позже я узнал от матери, что Патриция осталась парализованной ниже талии; ее забрали из школы. Отец в отчаянии обращался к лучшим врачам, а также, от полной безысходности, возил ее к одному старому целителю в Лиллехаммер и к другому, более молодому, в Сносу. Последствия аварии излечению не поддавались. Патрицию ждала жизнь инвалида и постепенное угасание... Много лет я почти ничего не слышал ни о ней, ни о ее отце. И вот 6 апреля 1968 года Боркман неожиданно позвонил мне и предложил помощь в расследовании убийства.

Фасад владения 104–108 по Эрлинг-Шалгссон-Гате, где находились и жилище, и штаб-квартира Рагнара Боркмана, оставался таким же внушительным, каким запомнился мне с детства. Огромное здание в округе прозвали «Белым домом» из-за его цвета. В свое время дед Рагнара Боркмана объединил три стоящих рядом дома; теперь его статуя возвышалась на постаменте в огромном, просторном холле перед кабинетом внука. Когда я вошел, мне показалось, будто я перенесся на машине времени в тридцатые годы.

Секретарша профессора провела меня к нему в кабинет кратчайшим путем. Лестница в двадцать три ступени показалась мне почти такой же длинной, как в моем детстве. Сам хозяин ждал меня на верхней площадке. Он почти не изменился, был таким же крупным и импозантным. Правда, лицо его стало гораздо мрачнее, но выправка оставалась такой же безупречной, волосы и борода – такими же черными, рукопожатие – таким же крепким, а голос – таким же звучным, как и раньше.

– Добро пожаловать, и еще раз поздравляю с недавним повышением! Я совершенно уверен, что ты справишься! Как же мне тебя теперь называть – Колбьёрн или инспектор Кристиансен?

Я поспешно ответил, что почти за честь, если он по-прежнему будет звать меня Колбьёрном, но сам на всякий случай буду обращаться к нему «профессор Боркман». Он улыбнулся, но возражать не стал.

– Во-первых, позволь извиниться за то, что заманил тебя сюда под ложным предлогом, но ты скоро поймешь, что я действовал из лучших побуждений. К сожалению, сам я ничем тебе помочь не могу. Разумеется, я был знаком с Харальдом Олесеном и несколько раз встречался с ним, но в последнее время мы виделись редко. О нем тебе лучше расспросить судью Верховного суда Еспера Кристофера Харальдсена, который работал с ним во время войны, и партийного секретаря Ховарда Линде. Надеюсь, что ты уже и сам подумал об этом. К сожалению, кроме того, что сказал, больше ничего добавить не могу.

Я еще не беседовал с двумя высокопоставленными друзьями покойного, но профессор был абсолютно прав, и я собирался связаться с ними как можно скорее. Поэтому для меня по-прежнему оставалось загадкой, почему я здесь нахожусь. Увидев мое замешательство, Боркман поспешно продолжал:

– Понимаю, что мое предложение покажется тебе, мягко говоря, необычным, но предлагаю тебе побеседовать не со мной, а с Патрицией.

Его слова повергли меня в еще большее замешательство, особенно следующий, совершенно неожиданный вопрос:

– Ты когда-нибудь встречал человека, который все время на шаг впереди тебя, который мыслит быстрее и глубже, чем ты? Общаться с таким человеком, понимая, что он во много раз умнее тебя, иногда бывает неприятно, а иногда даже страшно. Возникает странное чувство: ты одновременно в надежных руках и совершенно беспомощен.

Я неопределенно хмыкнул. Мне не хотелось распространяться, но подобное ощущение было мне знакомо. Оно, например, возникало у меня всякий раз, как я разговаривал с профессором Боркманом.

– Ну, конечно, и ты не исключение! Рискну предположить, что я оказывался в подобной ситуации немного реже, чем другие, но и мне доводилось испытывать те же чувства. Если только разговор не идет о специальных областях, я переживаю нечто в этом роде всякий раз, как беседую с моей восемнадцатилетней дочерью. Она не только читает вдвое быстрее меня, как на норвежском, так и на английском, немецком и французском, но и побивает меня в скорости и качестве комментариев относительно того, о чем мы читаем. Ее способности одновременно пугают меня и внушают огромную гордость.

Я не понимал, куда он клонит, и не знал, что ответить, поэтому помалкивал. Профессор же продолжал:

– Последние годы ничто так не интересует Патрицию, как раскрытие преступлений. Она прочла несколько дюжин книг по криминалистике и не меньше ста детективных романов. Не раз она предсказывала исход громких уголовных дел на основании того, что писали в прессе. Ее очень заинтересовало убийство на Кребс-Гате, отчасти потому, что Харальд Олесен был моим знакомым, а отчасти из-за необычайных обстоятельств дела. У нее появилось много вопросов и соображений. К сожалению, я не могу на них ответить. Кстати, она выдвинула вполне правдоподобное предположение относительно того, как преступнику удалось выйти из квартиры. Но, судя по всему, что мне известно, вполне возможно, ты и твои коллеги уже раскрыли дело и скоро арестуете убийцу...

Профессор испытующе посмотрел на меня. Я постарался покачать головой, не выдавая отчаяния.

– В таком случае буду тебе необычайно признателен, если ты немного поговоришь о деле с Патрицией, разумеется конфиденциально. Беседа не отнимет у тебя больше пятнадцати минут, и, возможно, моя девочка сумеет тебе чем-то помочь.

Не скрою, тогда я подумал о том, что следует законодательно запретить родителям неумеренно восхвалять своих отпрысков. Впрочем, от беседы с Патрицией я не отказался. Хотелось взглянуть на нее и послушать, что она придумала. Особое любопытство вызывало ее предположение относительно того, как ушел преступник. Самому мне никаких правдоподобных объяснений в голову не приходило. Поэтому я дружелюбно улыбнулся и ответил, что буду рад уделить пятнадцать минут или около того конфиденциальной проверке ее версии.

Профессор Боркман улыбнулся, сжал мою руку и без лишних слов позвонил. Через несколько секунд на пороге показалась молодая светловолосая горничная.

– Пожалуйста, проводите моего гостя в библиотеку, к Патриции Луизе, – сказал профессор и с характерной для него энергией вернулся к бумажной работе.

4

Патриция Луиза Изабелла Элизабет Боркман обитала в крошечном и скромном маленьком королевстве этажом выше; от серой, оживленной столичной улицы ее владения отделял сад. Она ждала меня за столом, стоявшим посреди комнаты и накрытым на двоих. Комната оказалась просторной, размером с хороший спортивный зал. А книг здесь было больше, чем в любой виденной мною частной библиотеке.

Юную Патрицию ни в коем случае нельзя было назвать красавицей. Девушка была очень мала ростом и хрупка; если бы она могла стоять, то была бы на голову ниже меня, а весила килограммов сорок пять, не больше. Однако сходство с отцом сразу бросалось в глаза. У нее были такие же, как у него, черные волосы, такое же суровое и решительное выражение лица. Мне не доводилось видеть юных девушек и взрослых женщин с таким волевым лицом.

Как будто по негласному соглашению, мы не стали пожимать друг другу руки. Патриция жестом пригласила меня сесть в широкое кресло. Сама она сидела напротив в инвалидной коляске. Я заметил в комнате телевизор, радиоприемник и стереопроектор. На большом столе перед ней помещалось все необходимое. Слева от нее стоял телефон самой последней модели. Перед ней лежали три шариковые ручки и блокнот, а также стопка из шести, не меньше, сегодняшних газет. Судя по подборке, Патриция Луиза И. Э. Боркман была человеком широких взглядов и не поддерживала какую-то определенную политическую партию. Она читала все, от реакционной «Моргенбладет» до коммунистической «Фрихетен». Справа от нее я увидел три книги с закладками. Наверху было издание на французском, его названия я не понимал; в середине, судя по всему, лежал университетский учебник социологии, а внизу я разглядел сборник рассказов на английском некоего Станли Эллина; о таком писателе я никогда не слышал. Посреди стола стояли большой графин с водой, а также кофейник и чайник.

– Добро пожаловать. Спасибо, что согласился уделить мне несколько минут своего времени. Хочешь перекусить?

Я поспешил отказать.

– В таком случае, Бенедикте, это все. Если что-нибудь понадобится, я позвоню.

Горничная молча присела и удалилась. Патриция Луиза И. Э. Боркман оказалась девушкой последовательной и благоразумной. Она не произнесла ни слова, пока мы не остались одни. Потом, как и ее отец, сразу перешла к делу:

– Не хочу напрасно тратить твое, несомненно, драгоценное время. О соседях убитого в газетах написано мало, поэтому для того, чтобы помогать, мне нужно быть в курсе дела. Все репортеры, однако, пишут о том, что убийца таинственным образом выбрался из квартиры незамеченным. Окна были закрыты и заперты изнутри, стекла не разбиты, то есть стреляли не

снаружи. В двери американский замок, значит, убийца мог выйти из квартиры и захлопнуть за собой дверь. Но другие жильцы прибежали на место преступления почти сразу же, услышав выстрел; они обязательно столкнулись бы с убийцей, если бы тот спускался по лестнице или ехал в лифте. Правильно ли я описываю ситуацию? Ты до сих пор не нашел разгадки тайны?

Я покачал головой. Очевидно, члены семьи Боркман обладали особым даром к простым, исчерпывающим описаниям.

Юная Патриция как будто выросла в своем кресле. Прежде чем продолжать, она задумчиво втянула щеки.

– Перед нами типичный случай так называемого убийства в закрытой комнате, однако случай не самый сложный, поскольку цепочка была снята. Как говорит Шерлок Холмс, «после того, как вы устраните невозможное, то, что останется, каким бы невероятным оно ни казалось, и есть истина». Судя по всему, убийца покинул место преступления через дверь, так что на самом деле есть всего два варианта того, как это могло случиться.

Я как замороженный слушал ее решительный, уверенный голос. Патриция немного разволновалась; ей даже пришлось выпить холодной воды, прежде чем развить свою мысль:

– Первый вариант встречается в одном из самых известных романов Агаты Кристи, в котором все персонажи, по разным причинам, сговорились убить жертву. Поэтому на всякий случай рекомендую тебе не слишком доверять показаниям других жильцов.

Я надеялся на нечто более реалистичное. Должно быть, Патриция все поняла по выражению моего лица, потому что, не допив, продолжала:

– Но такого рода сговор больше годится для английского романа, чем для современной Норвегии, а в нашем случае кажется еще менее вероятным. Чем больше народу замешано в деле, тем оно рискованнее, а в нашем случае жильцы дома, судя по всему, представляют довольно смешанную группу. Если мы избавимся от паранойи и сразу откажемся от версии с общим заговором жильцов, у нас остается всего один вариант.

Я не отрываясь смотрел на Патрицию; мысли путались в голове. Она выпила еще полстакана воды и неожиданно спросила:

– Многие ли жильцы жаловались на то, что им мешает плач ребенка со второго этажа? – Увидев мое ошеломленное лицо, Патриция снисходительно улыбнулась: – Иными словами, хорошая ли звукоизоляция в доме двадцать пять по Кребс-Гате? Может быть, в здании необычно тонкие стены и хорошая акустика?

Я начал смутно догадываться, куда она клонит, но все равно до конца не понимал ход ее мыслей. Подумав, я покачал головой. Никто из жильцов не жаловался на плач ребенка.

– В таком случае почему револьверный выстрел на третьем этаже отчетливо слышался двумя этажами ниже?

Вот это вопрос! Я выругал себя: разумеется, он должен был прийти в голову мне самому!

Патриция не дала мне собраться с мыслями:

– Как ни странно, жильцы, пресса и даже полицейские совершили одну и ту же классическую и логическую ошибку. Если вы слышите выстрел и вскоре после этого находите застреленного человека, нетрудно прийти к выводу, что его убили выстрелом, который слышали все. Вывод вполне логичный, но не обязательно правильный. Иными словами, Харальд Олесен скончался не от того выстрела, который слышали другие жильцы в четверть одиннадцатого. Его убили тихо и почти неслышно. Возможно, убийца пользовался глушителем. Вот ты бы не воспользовался глушителем, если бы собирался убить человека в многоквартирном доме и остаться незамеченным?

Ну конечно! После того как она все объяснила, я огорчился, что сам ни о чем подобном не догадался. Однако вскоре мне в голову пришел важный вопрос:

– А как же выстрел, который слышали все? Мы обыскали квартиру Олесена, более того, прочесали весь дом частым гребнем, но не нашли ни радиопередатчика, ни прослушивающих устройств.

Патриция снова улыбнулась:

– Так я и подумала. Все доказывает, что мы имеем дело с поразительно хорошо организованным убийством, которое осуществил чрезвычайно хладнокровный преступник. Скажи, ты видел в квартире Харальда Олесена проигрыватель – возможно, с пластинкой?

Ее вопрос показался мне ударом в солнечное сплетение. Я ведь видел и проигрыватель, и пластинку, и даже записал это себе в книжку, но не понял их смысл. Я вытер лоб. Как же неприятно, что Патриция до всего дошла, сидя в четырех стенах, а я ничего не понял, хотя несколько раз побывал на месте преступления.

Вскоре выяснилось, что моя собеседница еще и умела читать чужие мысли.

– Как ни странно, зачастую проще что-то понять на расстоянии, когда находишься вдали от места действия и тебе не мешают твои впечатления. Впрочем, применение звукозаписи с целью изменить время убийства – прием довольно распространенный, особенно в ранних романах Агаты Кристи. А теперь вернись в дом двадцать пять по Кребс-Гате и прослушай пластинку, которая лежит на проигрывателе в квартире Харальда Олесена, я с радостью поставлю мою инвалидную коляску и половину наследства в придачу на то, что рано или поздно вы услышите еще один выстрел.

Я не стал ловить ее на слове. К счастью, инвалидная коляска мне не нужна, хотя, к сожалению, трудно даже представить, чему равняется половина ее наследства. Кроме того, я почти не сомневался в ее правоте. Я пробормотал «спасибо» и встал, собираясь уходить. Патриция тут же позвонила горничной. Пока мы ждали, она написала что-то на листке бумаги и протянула листок мне:

– Вот мой прямой номер. Буду тебе очень признательна, если ты позвонишь, как только подтвердятся мои предположения насчет проигрывателя. Тогда и посмотрим, чем еще я сумею тебе помочь.

Я отметил про себя, что мы с Патрицией вполне естественно общаемся на «ты», несмотря на чопорную обстановку в доме Боркманов. Я аккуратно сложил листок с номером и сунул его в свой бумажник. Горничная проводила меня к выходу. Спустившись к машине, я тряхнул головой. Мне показалось, что последние полчаса меня гипнотизировали. Вместе с тем я радовался тому, что сделан первый большой шаг вперед к разгадке тайны, казавшейся неразрешимой.

5

Когда около двух часов я приехал на Кребс-Гате, все казалось таким же мирным, как и прежде. Жена сторожа сидела на своем месте у двери; она тут же впустила меня в квартиру Харальда Олесена. Других жильцов не было видно. К нескольким из них у меня появились новые вопросы, но первым делом нужно было проверить версию с проигрывателем.

Он стоял на прежнем месте; на круге лежала пластинка с записью Венского филармонического оркестра. Дрожащей рукой я опустил на пластинку иглу звукоснимателя. Я ожидал, что этикетка окажется фальшивой, но вздрогнул, услышав громкие звуки вальса. Судя по всему, пластинка была подлинной. Звук был установлен почти на полную громкость. Я ждал окончания записи, надеясь, что в конце услышу выстрел. Уменьшив звук, я слушал музыку, но выстрела так и не дождался. После того как отзвучали последние ноты, лапка проигрывателя поднялась и вернулась на свое место.

Сначала я испытал разочарование. Потом, несмотря на очевидный провал, громко рассмеялся: оказывается, самоуверенная Патриция тоже ошибается! Я снова поставил пластинку и увеличил звук, а потом набрал номер, записанный на листке бумаги.

Патриция сняла трубку после первого же гудка. Из-за музыки я заговорил громче:

– Я в квартире Харальда Олесена; включил проигрыватель и прослушал всю пластинку. По-моему, мы пошли по ложному следу.

На другом конце линии какое-то время молчали. Возможно, Патриция несколько секунд и сомневалась, но быстро взяла себя в руки:

– Ну конечно, так и должно быть! Другого варианта просто нет. Там отдельный проигрыватель или современная стереосистема с кассетным магнитофоном?

Я быстро покосился на проигрыватель, и сердце у меня упало. Проигрыватель в самом деле являлся частью большой новой стереосистемы с кассетным магнитофоном. Внутри магнитофона я увидел кассету. Услышав мои слова, Патриция реагировала молниеносно:

– Значит, ответ – в кассетном магнитофоне. Включи кассету, но убавь звук, а то переполошишь весь дом. Когда все прослушаешь, перезвони мне. Но, конечно, если и на кассете выстрела не окажется, больше не трать время напрасно и не звони мне снова.

Отдав приказ, Патриция Луиза И. Э. Боркман, не попрощавшись, повесила трубку.

Я с сомнением покосился на стереосистему, но все же выключил проигрыватель и перемотал кассету на начало. Судя по этикетке, на кассете была записана Девятая симфония Бетховена. Мне показалось, что перемотка продолжалась целую вечность. Я включил воспроизведение, уменьшил звук и стал ждать. Вначале раздались знакомые звуки Девятой симфонии. Мне показалось, что я напрасно потратил время. Однако через пару минут музыка оборвалась и послышался громкий щелчок. Следующие двадцать пять минут кассета, как мне показалось, ползла медленно, словно черепаха. Сначала я расхаживал по комнате, но, по мере приближения пленки в кассете к концу, подошел ближе к колонкам стереосистемы.

Я ожидал, что пленка вот-вот закончится, но вдруг услышал еще один приглушенный щелчок, за которым последовал громкий выстрел. Несмотря на то что я прикрутил звук, выстрел показался мне атомным взрывом. Я вздрогнул и застыл на месте. Кассета остановилась. Я простоял на месте пять минут, гадая, чья рука могла включить магнитофон в последний раз.

Когда мне удалось совладать с собой, набрал телефонный номер, и Патриция снова ответила после первого же гудка.

– Выстрел прозвучал в самом конце?

Я подавленно буркнул «да», еще более подавленно поздравил ее с успехом и чуть громче объяснил, что выстрел записали в самом конце кассеты с Девятой симфонией Бетховена. Она глубоко вздохнула, и я живо представил, как дрожит телефонная трубка у нее в руке.

– Хвала небесам! А то я уже забеспокоилась. Не забудь снять с проигрывателя и магнитофона отпечатки пальцев, но особенно ни на что не надейся. Мы имеем дело с коварным преступником.

Я ответил, что так оно, судя по всему, и есть, но ее догадка помогла понять, как он покинул место преступления. Кроме того, теперь можно уточнить время убийства: оно произошло почти на двадцать пять минут раньше. Мои последние слова ее как будто смутили.

– Погоди-ка. Во-первых, я вовсе не уверена в том, что убийца – «он», а во-вторых, откуда ты взял двадцать пять минут?

Я улыбнулся про себя, думая, что на сей раз ее опередил, и сообщил, что запись на одной стороне кассеты рассчитана на двадцать пять минут звучания. Я ждал восклицания: «Ага!» – но вместо него услышал тихий вздох облегчения и еще один прямой вопрос:

– Но у нас ведь нет доказательств, что убийца поставил кассету в магнитофон сразу после того, как произвел роковой выстрел?

Я вынужден был снова признать ее правоту. Теоретически убийца мог провести в квартире Олесена сколько угодно времени до того, как поставил в магнитофон кассету и вышел. Кстати, и пленку можно было перемотать вперед, так что убийство могло произойти всего за

несколько минут до воспроизведения записи выстрела. Вдруг я вспомнил, что судмедэксперт ведь тоже называл довольно большой промежуток времени смерти – от восьми до одиннадцати. Посоветовавшись, мы с Патрицией сошлись на том, что подозреваемыми можно считать всех жильцов, у которых не было железного алиби на период с восьми до десяти минут одиннадцатого. Кроме того, она попросила меня заехать к ней и кое-что обсудить до того, как я приступлю к повторным допросам соседей.

6

Через полчаса я снова сидел в библиотеке «Белого дома» перед принцессой Патрицией. Она радостно грызла большую морковь, отчего стала похожа на необычайно самодовольного кролика. Сжимая морковку в левой руке, правой она стремительно записывала мои слова: я пересказывал ей показания соседей. Не раз мне приходило в голову, что я самым вопиющим образом нарушаю тайну следствия. Если это станет известно, меня ждут крупные неприятности. Правда, казалось немыслимым, чтобы отец или дочь выдали меня. С детских лет я привык уважать Боркманов и считал их людьми, достойными доверия. Более того, сейчас Патриция мне помогала. Кроме того, я понял, хотя мне неприятно было в том признаваться, что мне очень нужна помощь для того, чтобы схватить коварного убийцу Харальда Олесена.

Патриция впервые показала себя хорошей слушательницей; она не перебивая выслушала мой довольно долгий пересказ того, что мне удалось выяснить до сих пор. Несколько раз я замечал, как поблескивали ее глаза, но, когда я умолкал, она раздраженно призывала меня продолжать.

– Все очень интересно и в чем-то познавательно, – подытожила она около четырех часов, когда я замолчал.

Я предпочел расценить ее слова как комплимент и тут же многозначительно спросил:

– Так кто же убил Харальда Олесена?

Она едва заметно улыбнулась и сокрушенно вздохнула:

– Расследовать убийство, когда преступник неизвестен, – во многом почти то же самое, что рисовать портрет. Вечером в четверг перед нами стоял совершенно чистый холст. Нам удалось нанести на него несколько штрихов, которые впоследствии приведут к другим штрихам. И хотя вскоре все, возможно, станет ясно, прежде чем лицо преступника проявится на портрете, придется усердно потрудиться. Несмотря на уточненное время убийства, мне по-прежнему трудно представить, как убийца вошел к жертве, оставшись незамеченным, – и как он потом вышел. Учитывая все, что нам известно, убийца почти наверняка кто-то из жильцов дома. Правда, и других вариантов пока исключать нельзя. Поскольку Харальда Олесена убили между восемью часами и десятью минутами одиннадцатого, все, кто находился в здании – за исключением младенца, конечно, – теоретически обладали такой возможностью.

Я недоверчиво спросил:

– Ты не думаешь, что следует исключить также и инвалида?

Патриция покачала головой и чуть откатилась от стола на своем кресле.

– Конечно нет! Даже человек, сидящий в инвалидной коляске, но в остальных отношениях вполне крепкий, мог совершить убийство, один или с сообщниками. Пожалуйста, поподробнее расспроси его о том, как он стал инвалидом и насколько серьезно его состояние. Убийцей может оказаться даже жена сторожа, и подозрение с нее нельзя снимать до тех пор, пока не докажет свою невиновность. – Патриция разволновалась и говорила все быстрее: – Итак, в духе Агаты Кристи, главный вопрос заключается в следующем: кому выгодна смерть Харальда Олесена? Более того, почему необходимость его убить возникла сейчас – когда ему и без того недолго осталось жить?

– Может быть, убийца не знал о его болезни? – предположил я.

Патриция сначала кивнула, но затем покачала головой:

– Конечно и такое возможно, но мне по-прежнему кажется, что, скорее всего, убийца знал о болезни, и это, как ни странно, только ускорило его действия.

Естественно, я не удержался от вопроса «почему?». Я не совсем понимал, какого ответа жду; но получил определенно не тот, на который рассчитывал.

– Потому что ты не нашел в квартире орудия преступления.

Заметив мое замешательство, Патриция снова улыбнулась. Ее самодовольная улыбка действовала мне на нервы, но я решил промолчать: мне было интересно, что она скажет дальше.

– Должна признать, мои выводы во многом умозрительны, учитывая большое количество неизвестных, и все же отсутствие орудия убийства очень важно. Если бы ты нашел рядом с трупом, например, пистолет, скорее всего, пришел бы к выводу, что Харальд Олесен покончил с собой. И для убийцы так было бы гораздо проще. Зачем придумывать сложные планы с магнитофонной записью? Раз убийца не рискнул бросить рядом с трупом оружие, значит, действовать ему пришлось раньше, чем он планировал. Пока мне в голову приходит единственное объяснение: он хотел продемонстрировать, что мы имеем дело именно с убийством, а не с суицидом. И как бы там ни было, вопрос о том, почему это произошло именно сейчас, во многом связан с причиной случившегося. В связи с последним большой интерес представляют его завещание и деньги, снятые со счета. После выходных займись ими в первую очередь. А пока попроси соседей предъявить сведения о своих финансах. Для начала любопытно, кто из них согласится, а кто станет увильнуть под разными предложениями.

У меня тут же возник следующий вопрос:

– Думаешь, дело связано с деньгами?

Прежде чем ответить, Патриция целую минуту или даже больше задумчиво грызла морковь.

– Деньги, конечно, могут играть важную роль, но, по-моему, они в нашем случае не главное. Деньги – след, который приведет нас к чему-то более серьезному и мрачному. Во всяком случае, у нас есть уже несколько зацепок, которые указывают на прошлое, на войну.

Почему так бывает, что у тех, кто говорит, будто деньги не главное, их, как правило, много, подумал я. Но, прежде чем успел заговорить об этом вслух, собеседница снова меня опередила:

– По-моему, тот, кто нам нужен, действует не как все нормальные люди. Нам нужно искать так называемого человека-муху.

Несмотря на то что мои познания в зоологии выше среднего, вынужден признать, что Патриция упомянула неизвестный для меня вид – и вообще, при чем здесь мухи? С минуту поломав голову, я не выдержал и спросил, что она имеет в виду. Патриция улыбнулась, пытаясь изобразить раскаяние, но у нее это плохо получилось.

– Извини, я забыла, что ты не в курсе. Термин «люди-мухи» я придумала сама и так часто им пользуюсь, что забываю о том, что другие меня не понимают. И все-таки мне кажется, что это имеет отношение к делу. Есть много людей, которые в какие-то моменты жизни сталкивались с тяжелыми, травматичными испытаниями и позже так и не сумели справиться с последствиями. Я называю их людьми-мухами, потому что они долгие годы кружат над тем, что с ними случилось. Как мухи вокруг мусорной кучи, проще говоря. По-моему, таким человеком-мухой был и сам Харальд Олесен, несмотря на его выправку и безупречную внешность. Подозреваю, что и его убийца из таких.

Я понял, что Патриция имеет в виду, и немного приободрился. Угадывалась связь с одной из моих собственных версий.

– По-твоему, все улики указывают на Конрада Енсена?

Прежде чем ответить, Патриция задумчиво покачала головой:

– И да и нет. Сейчас Конрад Енсен – самая очевидная муха из всех соседей. Но подозреваю, что не единственная. Кроме того, по разным причинам я сомневаюсь в том, что он – тот, кто нам нужен. Я бы поверила в то, что он убийца, если бы тебе удалось найти прямую связь между его военным прошлым и прошлым Харальда Олесена.

До сих пор я соглашался со всем, что Патриция говорила. Внезапно мне пришло в голову, что я должен спросить ее о синем дождевик. Едва упомянул дождевик, Патриция просияла и наградила меня долгожданным комплиментом:

– Ты совершенно прав – дождевик может оказаться решающей уликой! Как только выяснится, кто выбросил синий дождевик, мы, можно считать, наступим убийце на пятки. Трудность в том, что дождевик нашли только утром в пятницу. А в четверг вечером никто специально не искал в квартирах других жильцов такую вещь. Я права?

Настал мой черед праздновать долгожданную победу:

– Конечно, мы не искали в других квартирах синий дождевик, о котором ничего не знали, но я почти наверняка могу утверждать, что вечером и ночью с четверга на пятницу такой вещи не было ни в одной квартире. Трудно спрятать большой дождевик во время обыска, а я попросил констеблей составить опись вещей...

На миг мне показалось, что Патриция собирается встать из своего кресла; глаза ее засверкали, а тело напряглось.

– Блестяще, – почти прошептала она. – Это по-прежнему не решающий фактор, но может им оказаться.

Я ждал дальнейших разъяснений, но вскоре понял, что она не намерена продолжать. Поэтому спросил ее мнение о показаниях соседей. На сей раз она не помедлила с ответом:

– В доме сохраняется огромное количество тайн. По-моему, все эти люди очутились там неспроста. Самый подозрительный из всех, по-моему, американский дипломат, но и студентка из Швеции, рантье из Оппланна и дочка миллионера из Берума тоже не на месте в Торсхове, рабочем районе! Допускаю, что некоторые из них совершенно случайно поселились на той улице и в том доме, но вот другие... Более того, я подозреваю, что до сих пор только один из жильцов отвечал на твои вопросы совершенно откровенно и честно.

Патриция замолчала. Она, конечно, догадывалась: я тут же спрошу, кого она имела в виду. Я ее не разочаровал. Услышав вопрос, она снова наградила меня самой невыносимой улыбкой и вырвала страничку из блокнота. Прикрывая страничку левой рукой, она написала несколько слов, а потом сложила листок. Позвонила, вызывая горничную. Пока мы ждали, Патриция улыбалась обезоруживающе и невинно:

– Пожалуйста, прости мою эксцентричность, но я стреляю наугад и, возможно, ошибаюсь. А если так и есть, нельзя допускать, чтобы мои домыслы влияли на ход следствия.

Как только в дверь постучали, она прекратила разговор и протянула листок горничной:

– Пожалуйста, положите в запечатанный конверт и пошлите инспектору уголовного розыска Колбьёрну Кристиансену в управление полиции Осло. Адрес вы найдете в телефонном справочнике. Бросьте письмо в почтовый ящик вечером, по пути домой.

Бенедикте ошеломленно переводила взгляд с Патриции на меня и обратно. Она ничего не понимала.

– Прошу вас, Бенедикте, не старайтесь ничего домыслить. Вам следует выполнять то, что сказано, и тогда все будет хорошо, – резко продолжала Патриция.

Бенедикте была явно смущена, она взяла листок и поспешила удалиться. Мне стало не по себе, хотя, возможно, именно так они обычно и разговаривали. Однако мне хватало своих забот и без проблем семейства Боркман.

Патриция заговорила лишь после того, как за Бенедикте закрылась дверь.

– Почту сегодня уже забирали, поэтому письмо отошлют не раньше понедельника, значит, ты получишь его в лучшем случае во вторник. Возможно, я ошибаюсь, но интересно про-

верить, совпадут ли мои предположения с тем, что случится до вторника. Очень удивлюсь, если кто-то из жильцов не изменит первоначальные показания, причем самым кардинальным образом.

Я вспомнил один неразрешенный вопрос, который так и повис в воздухе, и тут же привлек к нему внимание Патриции:

– Возможно, одним из них будет Кристиан Лунд. Как по-твоему, когда он на самом деле вернулся домой в день убийства? Я вынужден полагаться на показания трех против двух и сам не знаю, кому верить.

Внезапно Патриция громко, озорно расхохоталась:

– Наверное, мне не следует смеяться. Это совсем другая история, хотя она, конечно, тоже может иметь отношение к делу. Если подумаешь, счет не обязательно три – два в пользу Кристиана Лунда. То, что его жена подтверждает, будто он переступил порог квартиры в девять, не обязательно противоречит словам соседей о том, что он вошел в дом на час раньше. Единственный человек, который говорит, что Кристиан Лунд вошел в дом в девять, – жена сторожа. Но ты заметил, что ей как-то не по себе. Попробуй надавить на нее, и тогда многое разъяснится.

Я обещал, что так и поступлю, не слишком понимая, зачем еще раз беседовать со сторожихой.

– Но если Кристиан Лунд пришел домой в восемь, а в свою квартиру вошел только в девять, то где он был столько времени? Неужели целый час добирался от входной двери до квартиры на втором этаже?

Патриция снова расхохоталась – так же громко и озорно, как в первый раз.

– В таком случае Кристиан Лунд был бы еще более безнадежным инвалидом, чем мы с Андреасом Гюллестадом, вместе взятые. Если Кристиан Лунд действительно вернулся домой в восемь, он теоретически мог находиться в любой квартире в доме. Однако на практике вариантов у него всего два. Один чрезвычайно серьезен, а второй крайне щекотлив, и оба, возможно, играют важную роль для следствия.

Я не сводил с Патриции пристального взгляда. Она же улыбнулась как ни в чем не бывало и стала нарочито старательно пережевывать морковь. Наконец она продолжила:

– Первый вариант, который напрашивается, – что Кристиан Лунд в промежутке находился на третьем этаже в квартире Харальда Олесена, о чем не может или не хочет нам рассказать. Я не исключаю, что дело обстояло именно так, но, по-моему, гораздо вероятнее второй вариант.

Я понял, что терпение мое на исходе. Оно совершенно иссякло, когда Патриция не спеша выбрала еще одну морковку и стала задумчиво вертеть ее в руке. Я вспомнил неприятное чувство, какое испытал в первом классе, когда меня дразнили дети, которые были умнее меня; сейчас детская обида вспыхнула во мне с новой силой.

– Где же находился господин Лунд от восьми до девяти вечера, по твоей второй и более щекотливой версии? Будь любезна, объясни!

Мой резкий тон заставил Патрицию ненадолго нахмуриться. Потом она снова обезоруживающе улыбнулась и стала похожа на обычную восемнадцатилетнюю девчонку, любительницу посплетничать.

– По моей второй и более щекотливой версии, он конечно же находился на втором этаже, точнее, в спальне квартиры 2А, еще точнее – в постели фрекен Сары Сундквист! – Увидев выражение моего лица, она снова расхохоталась. – Все сходится, верно? Становится понятно, кто ее таинственный любовник, и получает объяснение тот примечательный факт, что его никогда не видели ни жена сторожа, ни другие соседи. Именно поэтому Кристиан Лунд в присутствии жены упорно отрицает, что вернулся домой не в девять, а раньше.

Я вынужден был признать, что все действительно сходится. Становилось понятным и поведение фру Хансен, жены сторожа. И как я сам не догадался? Кстати, почему фру Хансен

меня обманула? Кристиану Лунду придется многое объяснить... Однако я по-прежнему не представлял себе молодого отца в роли хладнокровного убийцы.

В завершение Патриция согласилась со мной, что лучше сообщить в прессу об уточненном времени убийства в воскресенье, после того как я еще раз допрошу соседей. Она сказала, что я «совершенно прав» и лучше постепенно усиливать нажим на убийцу, а не создавать ложное впечатление безопасности. Меня же больше беспокоило другое. Что подумают представители прессы и публика в целом, если через два дня следствия в деле еще не будет заметного прогресса?

* * *

Из «Белого дома» я вышел часов в шесть вечера. В отличие от предыдущего дня, домой возвращался в полной уверенности, что скоро схвачу убийцу Харальда Олесена и он понесет заслуженное наказание.

Однако перед самым уходом я совершил ошибку, которая беспокоила меня весь остаток вечера. Вставая, подумал, что, наверное, нужно напомнить Патриции о серьезности дела.

– Я был с тобой предельно откровенен и надеюсь, что ты не обманешь мое доверие. Ты не имеешь права ни с кем делиться тем, о чем мы с тобой говорили... за исключением, может быть, отца.

Патриция посмотрела на меня так печально, что у меня едва не разорвалось сердце. Потом с горечью произнесла:

– Милый мой инспектор... с кем же мне делиться?

Пристыженный, я оглядел большую комнату, в которой она казалась особенно одинокой на фоне многочисленных книг. Неуклюже извинившись, я поблагодарил ее за помощь и вышел из комнаты следом за молчаливой горничной. Обернувшись на пороге, я увидел, что Патриция демонстративно раскрыла книгу и взяла еще одну морковь.

В конце третьего дня расследования, когда я лег спать, перспективы дела казались мне куда оптимистичнее под влиянием встречи с Патрицией. Но, кроме того, я осознал, что мы идем по следу особенно коварного убийцы, и дорога к его неминуемому аресту может оказаться долгой. Однако я понятия не имел, что следствие продлится еще целых шесть дней и будет напоминать странную заочную шахматную партию между Патрицией и убийцей.

День четвертый. Жильцы уточняют свои показания

1

В субботу, 7 апреля, я приехал на Кребс-Гате около десяти утра. Однако заранее позвонил жене сторожа и предупредил, что мне придется еще раз с ней побеседовать. Поэтому, когда я вошел в дом, она уже ждала меня на своем посту. Увидев меня, она помахала рукой и улыбнулась, хотя я даже издали заметил на ее лице неуверенность и страх. Как и собирался, я сразу приступил к делу:

– Дача в ходе следствия ложных показаний сотрудникам полиции называется лжесвидетельством; это серьезное преступление, которое может караться тюремным заключением или крупным штрафом. – Я сразу понял, что мои слова попали в цель. Фру Хансен застыла на месте как громом пораженная; ее лицо стало белым как мел, подбородок задрожал. Я быстро продолжал: – Но поскольку по данному делу еще не собирали письменных показаний, а ваше положение, насколько я понял, оказалось непростым, возможно, мы закроем глаза на кое-какие расхождения, если сейчас вы подробно и правдиво расскажете, когда жильцы вернулись домой в день убийства...

Фру Хансен опомнилась на удивление быстро и тут же затараторила:

– Спасибо вам большое! Я была сама не своя, ночь не спала от того, что не сказала вам сразу все как есть. Вы верно заметили, мое положение непростое, ведь я своей рукой записала в журнале, что Кристиан вернулся домой в девять, а Кристиану пообещала: если кто спросит, подтвердить, что так и было. Откуда нам знать, что нас будут спрашивать в полиции? К тому же я уверена, что Кристиан никакого отношения к убийству не имеет. В общем, я совсем запуталась и не знала, что делать, и подумала: лучше подтвердить, что я написала и обещала. Ну а если Кристиан иногда и возвращается домой пораньше, это не касается никого, кроме его самого да его жены.

– И фрекен Сары Сундквист, конечно, – я не упустил случая произвести на жену сторожа еще более сильное впечатление.

Фру Хансен уже справилась с потрясением и, прежде чем ответить, едва заметно улыбнулась:

– Просто невероятно, сколько всего удалось выяснить господину инспектору! Да, конечно, вы правы, но ведь фрекен Сара такая красивая и добрая молодая дама. Она никакого отношения к убийству не имеет; в этом я совершенно уверена.

Ее улыбка стала еще шире. Прежде чем фру Хансен продолжила, я догадался, что она вспоминает собственные молодые годы.

– Конечно, я кое о чем стала догадываться еще до того, как узнала наверняка. Сара как будто слетала вниз по лестнице; спина у нее стала прямее, а улыбка шире, чем раньше, так что даже такая старая карга, как я, поняла: наверное, ее ждет молодой человек. А уж все поняла я как-то утром, когда она спустилась сразу после него. И на следующее утро она вышла раньше обычного и ждала на улице, у подъезда, пока он выйдет. А еще через день она снова спустилась первой, а через пару минут вышел и он. Тут-то до меня и дошло: между ними кое-что происходит. Я, конечно, ничего не сказала ни им, ни фру Лунд. Не мое это дело, я не хотела никому неприятностей.

– Пока все отлично, – подбодрил я фру Хансен. – Вот только вы стали подделывать записи и потом солгали полиции. Но, может быть, вы не сами это придумали?

Жена сторожа решительно тряхнула головой:

– Нет, что вы, мне бы такое и в голову не пришло. Это Кристиан подошел ко мне в начале недели. Я прямо растрогалась; он очень откровенно рассказал, что по уши влюбился в фрекен Сару и у них роман. Уверял, что долго мучился и не знал, как поступить. А пока он попросил меня ничего не говорить фру Лунд о том, что я могу увидеть или услышать – да и никому другому тоже. Я обещала молчать. А потом он попросил меня подделывать записи в журнале. В те дни, когда он звонит жене с работы и говорит, что задерживается, чтобы я писала, что он, мол, вернулся на час позже. Конечно, я не сразу согласилась. Одно дело – помалкивать о том, что тебя не касается, и совсем другое – прямой обман... – Жена сторожа надолго замолчала.

– И тогда... – постарался я вывести фру Хансен из задумчивости.

Фру Хансен продолжила:

– И тогда он достал бумажник и сказал, что, конечно, моя помощь достойна вознаграждения. Он спросил, достаточно ли будет сотни крон в месяц, и заплатил двести авансом, так как приближалось Рождество. Дал мне четыре банкнота по пятьдесят крон! – Фру Хансен снова замолчала. По ее морщинистым щекам скатились две слезинки. Потом она с трудом встала и жестом велела мне подождать. – Сейчас я вам кое-что покажу, – промямлила она, проходя мимо меня.

Через несколько минут она вернулась с двумя фотографиями в рамках. Первая была старая, пожелтевшая черно-белая свадебная фотография улыбающейся молодой пары. Жених был высокий и темноволосый, невеста на голову ниже и полнее.

– Мы поженились весной двадцать восьмого года, – тихо пояснила она. – Рабочая партия тогда получила большинство в стортинге; казалось, впереди нас ждет только хорошее. Тогда, да и потом у меня много было ухажеров, а я полюбила Антона и ни минутки не жалею об этом. Он был красивый, трудолюбивый и надежный; я сразу ему поверила. Первые двенадцать лет мы горя не знали. У Антона было хорошее место; дети наши росли и ничем серьезным не болели. Хоть нам обоим приходилось много работать, мы никогда не жаловались.

– А потом... – сказал я, не очень хорошо понимая, что меня ждет.

– Потом началась война, и Антон вступил в движение Сопротивления. Он, конечно, спросил моего согласия, но как я могла отказать? Он ведь хотел помогать, а будущее страны было под угрозой. С тех пор я постоянно гадаю, что было бы, если бы тогда я возмутилась и сказала «нет». Тогда мы еще не понимали, что война сломает его. Мой Антон остался жив, но не сумел справиться с военными воспоминаниями, когда наступил мир. Ему снились страшные сны, он боялся спать по ночам и все больше курил и прикладывался к бутылке. В прошлый раз я говорила, что сейчас его нет, а вы не спросили, где он. Так вот, сейчас он лежит в больнице, откуда выйдет разве что ногами вперед. Сколько раз я говорила ему: нельзя столько пить и курить! Просила пожалеть нас и себя, ведь печень и легкие у него могут не выдержать. Я боялась, что он не доживет и до шестидесяти. Сейчас ему шестьдесят два, но через несколько недель все будет кончено из-за его печени и легких. Так что, если хотите с ним поговорить, не откладывайте надолго.

Фру Хансен смахнула слезинку. Потом она как будто опомнилась и продолжала:

– Знаю, о чем вы сейчас думаете: почему я здесь расслаиваюсь, когда мой муж в больнице? Ну, во-первых, я никогда не любила больниц. Но главное, мне невыносимо видеть его таким. От него прежнего осталась одна тень, и ему все время очень больно. Я всегда иду к нему, как только мне звонят и передают, что он хочет меня видеть, но такое случается не часто, и нам обоим после наших свиданий не делается легче. А мне еще приходится работать, сторожить дом и помогать детям. Вот и сижу здесь целыми днями да смотрю на старые фотографии. Хочу запомнить его таким, какой он был, а не таким, каким стал.

Слезы хлынули из ее глаз, и я не знал, как ее успокоить. Выждал пару минут, а потом нерешительно показал на другую фотографию. Она была сравнительно недавней, и на ней

легко узнавалась женщина постарше и четверо нарядных детей, которые сидели на полу и улыбались. За их спинами стояла рождественская елка, под которой лежали подарки.

– Война сломала жизнь не только самому Антону, но и мне и нашим детям... Особенно тяжело было в последние годы. Антон хоть и с трудом, но работал, но каждую крону, на которую ему удавалось наложить руки, тратил на сигареты и выпивку. Рождество и Новый год всегда были самыми главными праздниками в году, у нас собирались дети и внуки, и ради них он несколько дней старался держать себя в руках. А прошлой осенью я думала, что сойду с ума. Мы кругом задолжали, и у меня не осталось друзей, у кого можно было попросить займы. Нам не хватало восьмидесяти крон, чтобы раздать самые неотложные долги до Рождества, а ведь надо было еще купить еду и рождественские подарки... Я ломала голову, как раздобыть хотя бы пятьдесят крон. У меня не осталось ценных вещей, которые можно было бы заложить. И вдруг случилось чудо: ко мне подошел Кристиан и дал мне четыре бумажки по пятьдесят крон. Я подавила гордость и взяла деньги. Ложь – большой грех, тем более на Рождество. Поверьте, по ночам я часто плакала в подушку. Зато Антон отметил свое последнее Рождество с внуками; и угощение было достойное, и подарков больше, чем обычно. А я утешалась тем, что другие брали плату за молчание и не по таким невинным поводам.

Я еще раз посмотрел на фотографии. Да, наверное... многие согласились бы взять деньги и под более сомнительным предлогом. Поэтому я постарался утешить фру Хансен, сказал, что по-человечески вполне ее понимаю и мы, наверное, закроем глаза на мелкое нарушение, если она согласится изменить свои прежние показания. Кроме того, начиная с сегодняшнего дня она будет говорить мне правду, и только правду. Жена сторожа испытала явное облегчение, перекрестилась и обещала больше не вводить меня в заблуждение.

– Я не знал, что ваш муж во время войны был участником движения Сопротивления. Кстати, тогда он знал Харальда Олесена?

Жена сторожа просияла, вспомнив старые времена, и горделиво улыбнулась:

– Конечно, знал! Именно Харальд Олесен и пригласил моего мужа вступить в Сопротивление. До сих пор помню, как они пожимали друг другу руки – вот здесь, за кухонным столом. Конечно, и мне пришлось помогать. Несколько раз мы прятали беженцев у нас в погребе, а потом Олесен переправлял их через границу в Швецию. Антон был лишь одним из многих его помощников. У Харальда Олесена в то время дел было по горло; он создал целую сеть отсюда и до границы. Я часто удивлялась ему. Какой он все-таки был сильный человек! Отвечал за жизнь многих людей, да и потом, после войны, ему удалось справиться с тяжелыми воспоминаниями...

Я насторожился. Разговор становился все интереснее. Возможно, скоро выяснится мотив убийства.

– Учитывая, как все сложилось потом, вы или Антон никогда не злились на Олесена?

Фру Хансен решительно покачала головой:

– Нет, на него мы зла не держали. Как можно! Шла война, и кто мог знать, что случится с Антоном потом? Мы гордились, что живем в одном доме с Харальдом Олесеном, хотя наша квартира в подвале, на три этажа ниже. Даже в последние годы Антон всегда оживлялся и меньше пил после того, как разговаривал с ним. Олесена он боготворил. А сам Олесен даже не понимал, как плохо обстояло дело с Антоном, хотя и догадывался, что наша жизнь – не сахар. Он всегда дарил нам замечательные подарки на дни рождения и на Рождество. Харальд Олесен был добрым, хорошим человеком, я ничего не могу сказать про него дурного и не понимаю, кто мог его убить. Вряд ли убийство связано с войной... Хотя спросите Антона; может быть, ему известно больше.

Я понял, что должен как можно скорее побеседовать со сторожем Антоном Хансеном в больнице. К его жене у меня остался лишь один важный вопрос.

– А как же фру Лунд? Вы о ней не подумали?

– Конечно, подумала – и о ней, и о ребенке. Мне не раз приходило в голову, что он предает их обоих. Но в общем Кристиан – человек неплохой, работающий. Трудится допоздна, а ведь ему еще приходилось угождать тестю и теще. Ее родители приезжали к ним сюда всего один раз, мимо меня прошли, как мимо пустого места, а на дом смотрели с таким презрением! Кристиану к тому же приходилось ухаживать за больной матерью. Последний раз, когда она его навещала, он ее чуть ли не внес на руках. Видите ли, он рос без отца, так что детство у него было нелегким. О его жене ничего плохого не скажу, и к мужу хорошо относится, и о ребенке заботится, но она в жизни не знала горя и понятия не имеет, что значит иметь мужа-алкоголика или расти без отца. Так что я скорее на стороне Кристиана. Да ведь он и не сделал ничего плохого... Я много раздумала, что ему гораздо больше подходит трудолюбивая студентка-шведка, чем богатая кукла, на которой он женился.

Про себя я подумал, что классовые противоречия дают о себе знать – по крайней мере в Торсхове. Чем больше я узнавал о жильцах, тем больше вопросов у меня возникало. Кстати, фру Хансен и ее больной муж тоже могут оказаться куда более важными игроками, чем мне представлялось вначале.

Я сказал, что в интересах следствия мне понадобится взглянуть на банковские книжки всех жильцов, в том числе и ее, и жена сторожа сокрушенно улыбнулась, но тут же достала из ящика стола выцветшую красную сберегательную книжку «Постбанка»:

– На жизнь вряд ли хватит, но сейчас здесь побольше, чем было, когда Антон жил дома.

Трудно было с ней не согласиться. На счете фру Хансен оказалось сорок восемь крон; в самом деле, негусто после напряженной трудовой жизни. Я понял, что последнее время она сэкономила на всем. Пять месяцев назад ее баланс составлял всего четыре кроны. Куда бы ни делись двести пятьдесят тысяч крон со счета Харальда Олесена, они явно не перешли жене сторожа.

Сначала я собирался подняться к Лундам, а потом зайти к Саре Сундквист, но фру Хансен обмолвилась, что Кристиан Лунд уехал на работу около девяти, но сначала позвонил своей секретарше и попросил ее тоже выйти, несмотря на выходной день. Жене сторожа он объяснил, что нужно скорее закончить инвентаризацию, поработать с документами. Я быстро поменял планы. Кристиан Лунд – вот с кем нужно поговорить безотлагательно! Я попросил фру Хансен набрать его рабочий номер и сухо сказал, что мне нужно поговорить с ним как можно скорее, и, наверное, будет проще, если я приеду к нему в магазин. На другом конце линии последовало молчание; видимо, он сообразил, в чем дело, и согласился. Я предупредил, что приеду примерно через четверть часа. Лунд обещал дать распоряжение секретарше, чтобы та впустила меня.

2

Спортивный магазин, в котором работал Кристиан Лунд, оказался просторным и современным, с двойными дверями и большой витриной, выходящей на оживленную улицу. Я подумал, что управляющему магазином, наверное, неплохо платят. Кроме того, такое место – отличная стартовая площадка для дальнейшей карьеры в бизнесе. Впрочем, времени для размышлений у меня было немного. Секретарша Кристиана Лунда, через несколько секунд открывшая мне дверь, оказалась миниатюрной блондинкой лет двадцати пяти, стройной и гибкой. Протянув мне руку, она сообщила, что ее зовут Элизе Реммен и что «наш дорогой управляющий» ждет меня у себя в кабинете. Покачивая бедрами, она повела меня по длинному коридору. По пути Элизе Реммен сообщила, что спорттовары продаются хорошо и их магазин опережает конкурентов. Их магазин сетевой, и несколько других магазинов поменьше недавно перевели к ним всю свою бухгалтерию.

В кабинете управляющего горел свет. Дверь была открыта.

Кристиан Лунд встретил меня стоя и протянул руку через стол. Он очень изменился. Потом я понял, что он, во-первых, по-другому держится на работе, а во-вторых, немного успокоился, так как после убийства уже прошло некоторое время. В своем кабинете он явно чувствовал себя хозяином положения. Высокий, хорошо сложенный и сильный, Лунд производил весьма благоприятное впечатление. Однако я помнил, что совсем недавно он мне солгал.

До тех пор пока его приторно любезная секретарша находилась в кабинете, Кристиан Лунд сохранял свою маску. Элизе Реммен предложила мне кофе или чаю, так зазывно улыбаясь при этом, что я едва не согласился. Затем Кристиан Лунд громко сообщил, что я приехал сюда в связи с убийством его соседа, и попросил не мешать нам. Секретарша прошептала «конечно» и быстро покинула кабинет, мягко прикрыв за собой дверь.

Как только мы остались одни, Кристиан Лунд сразу изменился. Взгляд стал резче, движения – напряженнее. Это укрепило мое впечатление, что он – человек-хамелеон с талантом менять внешность в зависимости от обстоятельств.

Поскольку начинать разговор никто не хотел, пару минут мы молча смотрели друг на друга. Кристиан Лунд достал сигарету и закурил. Все напоминало дуэль на шпагах, в которой ни один из противников не хочет делать первый выпад. При этом мы оба понимали, что кому-то все же придется начать.

– Итак, чем я могу вам помочь? – спросил он в конце концов.

Я тут же воспользовался возможностью и бросился в атаку:

– Во-первых, хотелось бы знать, почему во время нашего прошлого разговора вы солгали о своей матери.

Кристиан Лунд едва заметно скривился, потом пару раз покачал головой:

– Хм, солгал... Ну, возможно, я не сказал вам всего, что следовало. Потом я и сам понял: надо было упомянуть, что она состояла в «Национальном единстве» и после войны сидела в тюрьме. Естественно, вы хороший детектив и все равно все узнали. Но, по-моему, взгляды моей матери во время войны не имеют никакого отношения к убийству! Дело и без нее выглядит достаточно запутанным. Кроме того, поймите, мне надоело отвечать за поступки моей матери в молодости. Она уже умерла, а мне все нет покоя! – В голосе Кристиана Лунда послышалась горечь, и он чем-то напомнил мне Конрада Энсена. – Ну да, в юности моя мать состояла в нацистской партии и сотрудничала с бесчеловечным режимом, о чем я сожалею, но для меня-то она была никакой не нацисткой, а просто мамой! Немногим так повезло с матерью. Она была хорошая и добрая... страшно вспомнить, сколько ей пришлось пережить после войны. Три года мы с ней жили у ее родителей, моих бабушки и дедушки. Потом маме удалось получить низкооплачиваемую работу, она стала уборщицей. Уже не припомню, сколько раз я сжимался, когда ее при мне оскорбляли на улице. В детстве у меня не было приятелей; первый друг, который пригласил меня к себе домой, появился у меня только в одиннадцать лет. Потом все постепенно стало налаживаться. На мой двенадцатый день рождения ко мне пришли два друга, на тринадцатый – пять, на четырнадцатый – девять. И все же нашу жизнь постоянно омрачала тень, от которой никак не удавалось избавиться. Во время конфирмации мама стояла в церкви одна. Родители других детей демонстративно держались от нее в стороне.

Кристиан Лунд возмущенно покачал головой, вспоминая старые обиды. Насколько я понял, он мысленно перенесся в прошлое.

– Я дал себе слово, что не позволю меня сломить, наоборот, я еще всем покажу! И мне это удалось. Мама так гордилась моими успехами! Я стал ее единственной победой после войны. Все осуждали ее; она много лет ходила, не поднимая головы. А когда показалось, что худшее позади, у нее обнаружили рак. Скорее всего, болезнь стала следствием ее пристрастия к курению. Она всегда очень много курила; с детства меня окружали облака табачного дыма.

Он с отвращением посмотрел на свою сигарету и свирепо смял окурок в пепельнице.

– Все время пытаюсь бросить, но это не так легко... Пожалуйста, простите нас. Наверное, мы показались вам взбудораженными, издерганными, но поймите правильно, мы переживаем не лучшее время в жизни. Не успели прийти в себя после смерти моей матери и крещения сына, как убили нашего соседа... Мама была стойкой до самого конца, но ей не повезло. Больше всего на свете ей хотелось перед смертью поддержать на руках первого внука. Она прожила на четыре недели дольше, чем предсказывали врачи, но наш малыш опоздал родиться, пусть всего и на три дня. Так что нам всем пришлось нелегко.

Его рассказ показался мне весьма любопытным, однако хотелось выяснить побольше подробностей. Ясно было одно: положение Кристиана Лунда, вне всяких сомнений, нельзя было назвать легким.

– Ваши тесть и теща знают о прошлом вашей матери?

В ответ Кристиан горько усмехнулся:

– Я долго боялся им говорить, но оказалось, что мои опасения были напрасными. У моего тестя больше четырех миллионов, и три четверти своего состояния он заработал на по ставках оккупационным войскам во время войны. С точки зрения оборота и прибылей его компании тогда побили все рекорды. Но, думаете, потом его хоть кто-нибудь осудил? Что вы, никто не посмел упрекнуть промышленника из Берума. Зато все дружно нажились на мать-одиночку из Драммена. Печальная история... И все же я не понимаю, какое отношение судьба моей матери имеет к убийству соседа.

Я сочувственно сказал:

– Да и я, признаться, тоже пока не все понимаю. Однако мне хотелось бы больше узнать о вашем отце, хотя бы ради того, чтобы убедиться, что он не имеет никакого отношения к делу.

Мой собеседник снова усмехнулся и покачал головой:

– Это будет нелегко. Никто, кроме мамы, не знал его имени, а она умерла. Вопрос об отце был единственным яблоком раздора между мной и мамой. Однажды она обмолвилась, что у них какое-то время был роман, но так и не сказала, как его зовут. В детстве я часто донимал ее вопросами об отце. Один раз всерьез обиделся на нее и не разговаривал с ней целый месяц, но она все равно не сказала, кто мой отец. Мама была упрямой. Она говорила, что он ее предал, а обо мне никогда не заботился, поэтому, если я узнаю, кто он такой, все станет только хуже. Позже, лет в восемнадцать – девятнадцать, я понял, что она права, и больше не донимал ее вопросами. Убеждал себя: мне не нужен отец, который нас бросил. А все-таки не избавился от обиды, особенно когда поступил в коммерческий колледж и оказался единственным студентом, который не мог попросить денег у отца.

Разговор становился все интереснее. Вопрос об отце Кристиана Лунда был еще одной маленькой загадкой, которую мне хотелось разгадать.

– Значит, у вас даже догадок нет, кто может быть вашим отцом?

Он покачал головой.

– В детстве я много думал о нем. Внешне я похож на маму; волосы у меня светлые, как у нее, и ее черты лица... Один учитель как-то заметил, судя по моим способностям, у меня, наверное, чрезвычайно умный отец. Я долго радовался такому комплименту. В молодости мама была очень хорошенькой и очень доброй, но особенно умной ее нельзя было назвать. В первых классах она еще помогала мне с уроками, но, когда я перешел из начальной школы в среднюю, ее знаний не хватало. А я становился первым учеником в классе почти по всем предметам, особенно в средней школе. Вполне возможно, мой отец, кем бы он ни был, и в самом деле человек умный. А в остальном – понятия не имею. Меня зачали в мае или июне сорокового года, поэтому вариантов много. Им мог быть немец или норвежец, сторонник нацистов или нет... Ни мама, ни бабушка с дедушкой не говорили со мной о войне, так что опираться мне не на что. Сейчас я стараюсь как можно реже думать об отце и надеюсь, что к убийству это отношения не имеет.

– Мне тоже хотелось бы в это верить, – кивнул я. – Однако нам с вами придется поговорить о другом... точнее, о другой. Меня интересует одна ваша молодая соседка, о которой вы тоже умолчали во время нашей первой беседы. Кстати, когда произошло убийство, она, как и вы, находилась дома.

Кристиан Лунд вздрогнул и перед тем, как ответить, закурил очередную сигарету и пару раз затянулся.

– Понимаю, что вы имеете в виду... Кто вам рассказал – сторожика или сама Сара?

Я покачал головой:

– Ни та ни другая. Я пришел к собственным выводам на основании анализа имеющихся у меня сведений.

– Впечатляет... и обнадеживает, – одобительно заметил он. – Полагаю, вы быстро найдете убийцу. Поверьте, наши отношения никак не связаны с убийством. Конечно, возникает вопрос алиби и тому подобного. Мне очень стыдно, что я солгал, искренне прошу у вас прощения, но поймите и меня. Я попал в очень непростое положение. Надеюсь, моей жене не обязательно все знать?

Я ответил:

– При том условии, что ваши отношения действительно никак не связаны с убийством. И разумеется, сейчас вы расскажете мне всю правду.

Кристиан Лунд не имел ничего против. Мне показалось, что для него не составляет труда говорить о глубоко личных вещах. Подтвердилось первое впечатление о нем: хотя он эгоист, в уме и обаянии ему не откажешь.

– Конечно, внебрачная связь с соседкой не делает мне чести. К тому же у меня такая хорошая жена и прелестный малыш. Боюсь, что быстро все объяснить не получится.

Я ответил, что никуда не тороплюсь. Жизнь Кристиана Лунда интересовала меня все больше и больше. Он удобнее устроился в кресле и, прежде чем начать, ненадолго задумался.

– Все началось в прошлом году... когда у меня возникло огромное, непреодолимое желание. – Он ненадолго замолчал, и лицо его застыло, но потом снова продолжал, причем с явным состраданием к себе: – Нет, на самом деле все началось гораздо раньше... с моей матери и моего детства. Много лет никто не хотел дружить со мной; у меня долго не было девушки. К семнадцати годам я еще ни разу не целовался. Один случай в особенности мне запомнился, хотя все было совершенно невинным. В четырнадцать лет я поехал на школьную экскурсию с ночевкой. Перед тем как мы легли спать, одна девочка обняла всех моих одноклассников по очереди. Кроме меня. «Даже обниматься можно до определенного предела», – сказала она с холодной, язвительной улыбкой. Все рассмеялись. Я проплакал всю ночь и дал себе слово, что когда-нибудь отомщу. Позже – мне было уже восемнадцать – все вдруг изменилось. Я играл в школьном оркестре и был звездой футбольной команды и вдруг стал привлекательным для девушек. И уж тут-то возместил все то, чего раньше был лишен. Девушка, которая отказалась обнимать меня в четырнадцать, в девятнадцать сама прыгнула ко мне в постель и раздвинула ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.